Обмани меня нежно

Автор:
Наталья Андреева

Обмани меня нежно

Наталья Вячеславовна Андреева

Прямо с антикварного салона пропал подлинник Пикассо... На выставке элитных ювелирных украшений кто-то ловко подменил сапфировое колье искусно сделанной копией... Преступников, как все уверены, двое: мужчина и женщина. Известны даже их имена: Георгий Голицын и Екатерина Семенова. Он живет в Питере, она – в Москве, и работают они только в паре: один ворует, а другой отвлекает внимание. Разработана целая операция по их поимке, которая пока не приносит результатов. А все потому, что эти двое... друг с другом даже и незнакомы! И они вовсе не сообщники, а конкуренты! Однако сводит их сама судьба. Он представляется преуспевающим адвокатом, она – скромной сотрудницей косметической фирмы. В музее, где работает Георгий, идет проверка, Катю подозревают в убийстве, за обоими ко всему прочему следят. Но разве это может помешать внезапно вспыхнувшей страсти...

Наталья Андреева

Обмани меня нежно

Автор считает своим долгом предупредить, что все события, происходящие в романе, вымышленные, любое сходство с реально существующими людьми случайно.

Картина маслом

Манеж, антикварный салон

В Москве щедро цвела весна, кое-где скромно потупившими взор бесприданницами-вишнями, а где-то и парадными свечами каштанов, погода стояла прекрасная, и центр города мгновенно заполонили толпы туристов. Они бродили по Красной площади, группами, парами и порознь, ошалевшие от солнца и пива, щелкали фотоаппаратами, стреляли видеокамерами, лежали вповалку на зеленых газонах в Александровском саду, не обращая внимания на замечания таких же разомлевших от жары патрульных, и даже пытались купаться в фонтанах.

Он шел, потея в костюме и смертельно завидуя тем, кто плещется в фонтанах. Пока размякший полусонный патруль отсекал счастливцев и заставлял их вылезти из воды, они успевали побрызгаться всласть, особенно дети. Было неимоверно жарко, но отчаянно весело. Он с завистью смотрел на мороженое, которое ели все эти праздные люди, и с тоской – на пиво, которое они пили. Он не мог себе позволить ни того, ни другого. Не потому, что денег не было. Просто он шел работать. Сейчас, в жару, позволив себе лишь расстегнуть пиджак и слегка ослабить узел галстука.

В конце мая в Манеже открылась выставка-продажа антиквариата. Там можно было не только полюбоваться на произведения искусства, но и приобрести понравившуюся вещь в личную коллекцию. Для тугих кошельков, то есть для депутатов, крупных чиновников, больших бизнесменов и звезд шоу-бизнеса назначали особый день и пускали только по приглашениям. Им принадлежало право первой ночи, они устраивали смотрины и оценивали выставку-невесту, иногда сватали, остальным же посетителям приходилось довольствоваться дамой, накануне утратившей невинность.

По залам ВИПов водили с шампанским, с переводчиками, ведь среди устроителей салона было много иностранцев, которые охотно открывали свои запасники для московских бешеных денег, без зазрения совести взвинчивая при этом цены. Все равно купят. А куда их еще девать, деньги-то? Когда они бешеные? Когда уже куплено все, что нужно и что не нужно: дома и квартиры по всему миру, «Майбахи»-«Бентли», самолеты-яхты, юные жены и совсем еще девочки – любовницы, бриллианты для них и шиншилловые шубки, образование для детей, законных и внебрачных. Теперь вот искусство. Выгодное вложение средств: антиквариат в любые времена только растет в цене. За вход ВИПы,

разумеется, не платили. Они сами подарки, спасибо скажите, что заглянули в вашу лавчонку! Мы ведь и в Париж можем слетать, и в Лондон не проблема. На дом все привозите? Вот спасибо! Так и быть, заглянем.

В первый день антикварный салон был закрыт для свободного посещения. Но уже на следующий прочие равные могли купить входной билет, который, кстати, стоил недешево, и побродить по залам, насладившись сполна экспозицией. Выставка работала в Манеже целую неделю. Хотя смотреть здесь особенно было не на что.

В этом он убедился, сделав обход по залам. Бедненько, а главное, спорно. Темнят господа иностранцы, везут в Москву всякий хлам, залежалый товар в надежде на неразборчивость богатых русских. Свои коллекционеры прижимисты и подозрительны, а тут беспредел, деньги ворованные, их надо куда-то пристроить, то, что с риском добыто в обход закона, так же и тратят – с риском, с шиком, – поэтому здесь можно все. Стены завешаны сомнительными Шагалами и Айвазовскими и не менее сомнительными полотнами современных художников, некоторые даже сами присутствуют, чинно сидят за столиками в ожидании покупателя. Он с первого взгляда научился отличать менеджера от художника, продавца от творца. Взгляд у них разный, у одних циничный, а у других виноватый. А лица… Лица большей частью скучные. У всех.

Самые интересные лоты, разумеется, ушли в первый же день, на приглянувшейся ему картине Пикассо висела табличка «продано». Едва взглянув на нее, он понял: это и есть то, за чем он сюда пришел. Маленькая, размером с тетрадный лист, в плоской, почти невесомой рамке, и, без сомнения, подлинник. Чувствуется рука мастера, в пятнах черной и белой краски, казалось бы, в беспорядке усеявших крошечный холст, угадывается зимний пейзаж. А как точно передано настроение! Картина неизвестная, из ранних, когда испанский гений только-только пробовал свои силы. Как она здесь оказалась? Да какая разница? Он немного полюбовался ею, тут же решив: беру! И табличка «продано» его нисколько не смутила.

– Вась, а Вась? Давай хоть вон тот светильничек купим! Зря, что ли, перлись сюда через всю Москву? – услышал он хриплый женский бас. – Всего-то тридцать тыщ евро!

Он невольно поморщился, как и всегда, когда в библиотеке матерились, в музее плевали на пол, а в театре во время спектакля раздавался звонок мобильного

телефона, и стиснул зубы. Не сейчас. Он на работе. С этой публикой скандалить бессмысленно, они на все отвечают наглым: а че? Они понимают только силу. Разбогатели и ошалели: теперь им можно все! Они и вывели формулу, согласно которой центр Вселенной есть деньги, все вращается вокруг них, и где-то там, на задворках, какое-то, блин, искусство, которому тоже надо отстегнуть. Еще вчера эта дама заботливо вытирала пыль с сиротливо стоявшего в углу торшера, а сегодня присматривает себе в многоэтажные хоромы «светильничек» за тридцать тысяч евро. Он обернулся: так и есть.

Басила насквозь прокуренная бабища, одетая во что-то яркое и блестящее. Она еще и на грудь приняла для куражу, прежде чем войти под своды храма искусства. И во что бы то ни стало желала приобщиться, хоть через «светильничек».

– Где, Люсь? – завертел бритой башкой супруг.

– Голову, блин, подними!

Бритый Вася задрал голову: над ним, прикованный к потолку цепью толщиной в руку, висел «светильничек» размером с кухню в хрущевке. Подпись под ним гласила: «Бронзовая люстра из средневекового замка. XIX век».

– Глянь, кака симпотная! У нас на третьем этаже темно!

– А в дверь она пролезет? – с сомнением спросил Вася.

– Вопрем!

Вася крякнул. Это означало сомнение, супруга надулась. Но к нему тут же подскочила изящная француженка и защебетала что-то на сладком своем языке, то и дело касаясь волосатой руки тонкими пальчиками в почти невесомых платиновых колечках. Зачарованный блеском разноцветных камешков и журчащим голоском, бритый Вася, еще раз крякнув, полез за пазуху. Француженка расцвела, предвкушая свой процент от сделки. Торговля шла плохо.

ВИПы прошли за один день табуном, и, мгновенно почуяв развод на бабки, тут же и схлынули. Это иностранцы до сих пор думают, что вокруг Кремля бродят медведи, а самый ходовой товар в России – валенки и лапти. Ну, еще водка, которой эти русские греются в лютые морозы. А морозы у них девять месяцев в году, вот они почти и не трезвеют. На самом же деле богатые русские давно уже прекрасно разбираются в антиквариате. У них есть свои консультанты, в конце концов, они и в самом деле могут слетать в Париж или в Лондон. Куда угодно. Но лапти в Москве еще остались. Он покосился на бритого Васю, стоявшего под «средневековой» люстрой.

– Мсье что-то заинтересовало? – цепко посмотрела на него мадмуазель. Вопрос был задан по-французски, но он прекрасно понял и ответил на том же языке:

– Нет, спасибо, мадам. Если у меня возникнут вопросы, я непременно обращусь к вам за помощью.

Она посмотрела на него с интересом, но тут же отвела глаза: еще одна парочка забрела под люстру. Надо работать, а флирт с красивым русским, так хорошо говорящим на ее родном языке, приятен, но, увы, не оплачивается.

Он тоже скользнул по женщине заинтересованным взглядом. Среди в пух и прах разряженных девиц, курсирующих по залам в поисках богатых покровителей, француженка смотрелась стильно и интриговала мужчин гораздо больше. Девицы и ему строили глазки, но напрасно. Неинтересны. Насмотрелся. Они, как яркие бабочки, окружают любую клумбу, где полно зелени. Везде, где только можно, пытаются познакомиться с богатым мужчиной, кошелек которого пухнет от долларов и кредиток. Их здесь гораздо больше, чем потенциальных женихов. Француженка же приятна тем, что, во-первых, она тут на работе. Не бездельница и хорошо образованна, раз ее взяли на антикварный салон. А во-вторых, одета со вкусом во что-то струящееся, скрывающее фигуру, колени целомудренно прикрыты, под густой темной челкой немного усталые, но умные, живые глаза.

«Я здесь на работе. И она на работе». Это был сигнал «стоп!». Женщины интересовали его всегда, и они никогда не оставались к нему равнодушными, но всему свое время. И место. Работу не стоит смешивать с удовольствием, иначе толку не будет.

Они с француженкой, как два торговых судна, встретились в заливе, кишащим праздными яхтами, и, оценив друг друга, пошли дальше, каждый своим курсом. Она к новым клиентам, а он к Пикассо. В руках у него был ноутбук. То есть все думали, что это ноутбук. И что он – деловой человек, бизнесмен, который пришел сюда тратить деньги. О! Если бы они знали правду! Какой бы поднялся переполох!

Он не бизнесмен. Он грабитель. Специализирующийся на элите и промышляющий на антикварных салонах и в прочих местах, где эта элита удовлетворяла свои постоянно растущие потребности. И он собирался выкинуть сегодня штуку, от которой у какого-нибудь толстосума хоть на время да пропадет аппетит.

У него имелся постоянно пополняемый список самых нелепых ограблений. Пополняемый тайно им же самим, но иногда и за счет других ловкачей. Даже страшно подумать, сколько в мире существует мифов! Всевозможных штампов, разного рода клише. К примеру: музей нельзя обокрасть. Каждый экспонат на сигнализации, повсюду находятся датчики, в каждом зале ведется видеонаблюдение. Расхожее мнение: легче ограбить пункт обмена валют или ювелирный магазин, чем антикварный салон.

Но вот из музейного комплекса Лувра грабители украли ювелирных изделий известной фирмы более чем на десять миллионов евро, просто-напросто разбив витрину, когда сотрудники на минутку отлучились. Зал не был оборудован ни сигнализацией, ни системой видеонаблюдения, так что поймать их не представляется возможным.

Или еще одна история. Сотрудники другого европейского музея совершенно случайно обнаружили, что в одном из залов вместо бронзовой статуэтки известного итальянского скульптора стоит ее деревянная копия. Стоимость утраты страшно даже прикинуть, скульптор сейчас безумно моден. Десятки миллионов евро кто-то положил себе в карман при помощи одной только ловкости рук.

Другой парнишка поступил еще проще. Под видом туриста посетив экспозицию, подменил уникальное ювелирное украшение стоимостью в несколько миллионов евро купленной на входе грошовой копией, и никто ничего не заметил. А двести двадцать одно ювелирное изделие знаменитых русских мастеров, загадочным образом исчезнувшее из запасников Эрмитажа? Или недавнее ограбление музея

в Каире, когда пропажу картины Ван Гога стоимостью пятьдесят миллионов долларов(!) даже не отследили! Ее просто-напросто вынули из рамы и преспокойненько унесли. Чем, скажите, занималась охрана на выходе из музея? Камеры же наблюдения в зале, где висел Ван Гог, оказались чистой бутафорией. А...

А о скольких кражах умалчивают? Дабы не выносить сор из избы. Дабы сохранить миф о музеях-крепостях и антикварных салонах – неприступных бастионах. Он и сам мог бы порассказать о халатности охраны и беспечности покупателей. Взять хоть этого Пикассо. Картина будет висеть здесь до окончания салона с табличкой «продано». И менеджер уже не станет обращать на нее внимания. Продано ведь! Свой процент продавец уже мысленно зачислил на банковский счет.

Картина же очень маленькая, компактная, и стоит при этом безумных денег. Так что сам бог велел. Интересно, как выносили тридцатисантиметровую статуэтку? В рюкзаке, что ли? Он невольно улыбнулся. Ноутбук – хорошая идея. В нем как раз найдется местечко для этого маленького полотна. И никто никогда не узнает, как и куда оно исчезло. Пишите письма Пикассо, господин олигарх, жалуйтесь! Почему ж ты, испанец, жадина такая, поскупился на холст?

Он, нащупав рукой замок «ноутбука», шагнул к картине и замер. Твою мать! Вместо нее на стене висела картонка, испачканная разноцветными кляксами, даже не копия, а просто мазня. Дешевая имитация, чтобы только дырку на стене закрыть. А на этой дряни прилеплена издевательская табличка: «Продано». И никто ничего не замечал! Девушка-менеджер лихо обрабатывала очередного «Васю», а посетители делали вид, что любуются «Пикассо».

Ну и публика подобралась сегодня! Либо «Васи» с «Люсями», либо длинноногие девицы с голыми пупками. Где же вы, ценители искусства? Взять хоть вас, дамочка. Белая моль, серая мышь. Юбка до пола, челка до бровей, губы, давно забывшие вкус помады, и тело, никогда не знавшее мужчины. Вы бы еще с мешком для картошки сюда пришли! Это же не сумка, а нищенская котомка, туда только милостыню класть. Дома вас ждет кастрированный кот, обезжиренный кефир и фильм без постельных сцен. Но в искусстве-то вы должны разбираться при такой-то внешности, черт вас возьми! Что вам еще делать, как не по антикварным салонам шляться? Что ж вы-то молчите?

У него в душе все кипело от возмущения. Надо же! Украли картину, которую он уже считал своей! Жулики! Куда только мир катится? Она ведь только что была здесь! Он может в этом поклясться! Во время его первого «пристрелочного» прохода по антикварному салону картина была на месте! Подлинник, а не эта отвратительная мазня!

Значит, она еще здесь. Он сглотнул и почувствовал, как рука, державшая ноутбук вспотела. Надо воровку найти. То есть вора. Того, кто стянул Пикассо. И заставить с ним поделиться. В конце концов, это была его идея. В самом конце зала он приметил еще один ноутбук и пошел следом за ним. Похоже, у кого-то мозги тоже работают в правильном направлении.

Ноутбук шел к выходу. Все правильно, дело сделано, оставаться здесь дальше не только бессмысленно, но и опасно. Удачливый конкурент двигался быстро, но у самой рамки металлоискателя он догнал-таки ускользающего от него Пикассо. Так вот ты какой, грабитель! Какое-то время он внимательно изучал конкурента и прикидывал, как будет действовать, чтобы заставить того поделиться. Конкурент между тем спокойно положил спрятанного от посторонних глаз Пикассо на столик, у которого возвышался дюжий охранник, вынул из карманов ключи от машины, от дома, мобильный телефон, потом другой, брякнул все это на крышку ноута и шагнул в рамку.

– Ноутбук откройте!

Он невольно вздрогнул. Нет, это не ему, это господину, который пришел сюда с ноутбуком первым. Охранники поступили так же, как и гаишники, когда по трассе мчатся два спортивных автомобиля: тормознули первого, кто превысил скорость. Два господина с ноутами, стоящие друг за другом, вызвали у них подозрение.

– Что, простите?

– Я говорю, штучку вашу откройте.

Вор всегда рискует быть пойманным. Да еще с поличным! Жаль. Идея с ноутом была неплоха.

– Пожалуйста! Только я не понимаю: в чем дело? К вам что, теперь деловым людям и не заходить? Я без ноута, как без рук! Это мой офис! У меня бизнес!

Господин говорил раздраженно и всем своим видом показывал недовольство. Распихав по карманам ключи и мобильные, разгневанный бизнесмен рванул крышку своего офиса:

– Нате! Смотрите!

Это и в самом деле был ноутбук. И никакого Пикассо.

– Ой, разрешите.

Он почувствовал толчок в спину. Белая моль тряслась и вытягивала шею, высматривая кого-то за рамкой.

– Моя мама... Случилось... ужасное... позвонили... – лепетала она, прижимая к тощей груди нищенскую котомку.

– Проходите уже, женщина! – рявкнул охранник.

– Спасибо.

Она нырнула в рамку, так и не расставшись с котомкой, серая мышка, напуганная до полусмерти неожиданным звонком заболевшей матери.

– Безобразие! – выругался господин с ноутбуком, которого она, выходя, задела котомкой. – У вас там что, кирпич?

– Извините, – пробормотала моль и кинулась к кому-то, маячившему между колоннами.

– Я буду жаловаться! – заявил бизнесмен. – Среди организаторов салона – мои друзья! Я просто не успел вместе с ВИПами! У меня вообще приглашение! Вот! – господин сунул под нос охраннику именное приглашение, и тот смутился:

– Извините.

– В ж… засунь свои извинения!

Бизнесмен, матерясь и мигом превратившись из респектабельного господина с дипломом Гарварда в разбогатевшего бандита, красный от злости, выскочил на улицу.

– Открыть? – спросил он у охранника, кладя ноутбук на только что освободившийся столик.

– Не надо, – буркнул тот. – Проходите.

Он, досадуя, шагнул в рамку. Такой подарок судьбы, и надо же! Впустую! Все складывалось как нельзя лучше, и вот вам, пожалуйста! Его опередили!

И кто? Девушка с рюкзачком, на котором болтается плюшевый медвежонок? Парень в наушниках, мотающий головой в такт льющейся оттуда музыке? Пожилая дама в шляпке с поникшим зеленым пером? Да кто угодно! Он сделал ошибку, пойдя за ноутом. Но машинально все же продолжал за ним идти.

Бизнесмен сел в большую черную машину, рядом садилась в такси белая моль. В такси?!

– Девушка!!! Эй ты!!! Стой!!!

Поздно. Она исчезла, а вместе с ней и Пикассо. Он был в бешенстве. Сам же создал ситуацию, которая помогла воровке! Она искала нестандартный ход, чтобы выбраться из салона с ворованной картиной, и тут же сообразила, что два господина с ноутами, стоящие друг за другом, отвлекут охрану. Она ловко вклинилась между ними, разыграла сценку с больной мамой и сорвала куш.

– Ах ты…

Кастрированный кот, как же! Тебя дома ждет волосатый жеребец! Которому ты в клювике принесешь Пикассо! Картина, кстати, немалых денег стоит! Черная икра тебя ждет! Шампанское! А на закуску крутое порно! Будь ты неладна,

мышемоль! Все – маскировка. Юбка, парик, очки, котомка. Черт тебя знает, какая ты на самом деле? Но – хороша!

Он машинально потрогал наклеенные усы и поправил затемненные очки с диоптриями, одернул пиджак. В обычной жизни только контактные линзы и спортивный стиль. Ты никогда меня не узнаешь, если мы вдруг встретимся еще раз, мышемоль. И я тебя не узнаю.

Ладно, проехали. Он поднял руку, ловя такси. И невольно хмыкнул, вспомнив, как народ ходил вокруг мазни на картонке, понимающе цокая языком. Пикассо он тут же занес в свой список самых нелепых ограблений. Интересно, а покупатель заметит, что приобрел гм-м-м... подделку? Или картина войдет в историю в том виде, в каком она сейчас есть? Всякое бывает. И где же, черт возьми, теперь подлинник? Он ведь может и ошибаться насчет мышемоли. И воровка все-таки бабушка с пером на шляпке. Или меломан?

* * *

Петербург, выставка эксклюзивных ювелирных украшений

Она предвкушала великий день. День своего триумфа. Все было продумано до мелочей, никогда еще она так не готовилась к очередному «делу». Хватит случайностей, не будем больше полагаться на судьбу! Отныне никакого риска и, упаси боже, экспромта. Имея такие деньги, уже не хочется сесть в тюрьму.

Из всей коллекции драгоценностей она выбрала роскошное колье: сапфиры в россыпи бриллиантов, словно незабудки в каплях утренней росы. Цвет просто потрясающий! Как правило, сапфиры гораздо темнее, есть почти черные, они стоят дорого, но совсем не хороши. Лично она такие не носит, хотя синий – ее цвет. Синий и голубой. Оставить бы его себе. Это колье – редкость. Красота необыкновенная, и сапфиры в нем уникальные. Что за цвет! Но...

Нельзя. Она тяжело вздохнула. Это ее работа, а не поход по ювелирным бутикам. От колье надо будет избавиться, и как можно скорее.

Когда она заказывала по каталогу копию, знакомый ювелир, как всегда, не задал ни одного вопроса.

«Когда-нибудь я провалюсь. Из-за этого ювелира или из-за кого-то другого, кто делает для меня копии. Но я с самого первого дня, с первого экспоната, который перекочевал в мою сумку, это знала. Разве у меня был выбор?»

Вращаясь в высшем свете, она давно пришла к выводу: в этой стране честно не живет никто. Да это и невозможно. На модные курорты летят полные самолеты, и в бизнес-классе все кресла заняты. Места в самых дорогих отелях раскуплены загодя, если и остались номера, то самые дешевые. В дорогих ресторанах вечерами нет ни одного свободного столика, на платные факультеты престижных вузов, где обучение стоит немалых денег, бешеный конкурс. Элитное жилье расходится влет еще на стадии котлована. Может, скажете, что все эти люди свои деньги заработали! Трудились в поте лица, и вот вам результат!

Тогда что же с ней-то не так? Трудилась и в поте лица. По-всякому. Умна, хороша собой, сговорчива, предприимчива. В свое время от отчаяния готова была и в постель с начальником лечь, от которого зависело повышение. На все готова. Какие уж тут принципы? Мама тяжело больна, отец без работы, ребенку надо учиться, а мужа нет. Берите от меня, что хотите, хоть бы и меня саму! Но потом поняла: толку-то? Прибавка солидная, но этих денег все равно не хватит. Уйдут, как в песок, а нужен доход постоянный, и немалый. Не зарплата в фирме у какого-нибудь дяди, и не жалкая подачка из госбюджета. Откуда они берутся-то? Богатые, успешные, без жилищных и материальных проблем? Ноги длинные, зубы белые, лица загорелые. Откуда-а?! Такое ощущение, что они уже рождаются со всеми атрибутами роскоши. Все о них: фильмы, книги, статьи в глянцевых журналах, сплетни. И нигде нет главного: как? Как всего этого добиться? Дайте рецепт, вы, успешные? Откуда деньги? Самолеты-яхты откуда?

«Я всю жизнь работала. Работала, работала, пахала, в общем, вот и...»

Нет, милая, врешь ты все. Трудами праведными не наживешь палаты каменные. Не в этой стране. Особенно тяжело одинокой женщине, которой надо кормить большую семью. Тут придется либо сгореть на работе за каких-нибудь пару лет и умереть нищей, либо найти способ за эти же два года подобраться к большим деньгам и сорвать куш. И спокойно доживать остаток дней где-нибудь за городом, в уютном коттедже, в окружении своей большой семьи. Она выбрала второй вариант, и вопрос денег был решен. Оставалось найти способ, как разжиться за счет тех, кто уже разбогател.

Она никогда не украла бы в универсальном магазине, не обманула бы старушку, выманив у нее пенсию, не надула колхозника, продающего овощи из своего подсобного хозяйства. Она даже терпела, когда ее обвешивали на рынке или обсчитывали в магазине. Видела это, но говорила себе: заплати. Пусть и у них будет праздник. Она не трогала своих.Напротив, всегда давала им заработать. Но этих людей, из бизнес-класса авиалайнеров, из дорогих ресторанов, из элитных вузов и трехэтажных коттеджей в заповедной зоне, сам бог велел пощипать. Они от этого не обеднеют.

Ни к кому конкретно она не испытывала неприязни и (упаси боже!) вражды. Мало того, она сама была одной из них. Этого требовала специфика ее работы. Иначе кто бы ее пустил на выставку-продажу эксклюзивных ювелирных украшений? Кто дал бы ей приглашение и каталог?

Она любовно погладила разложенное на черном бархате колье. Сначала были картины. Просто картины. Ей казалось: заимей всего один подлинник, удачно его продай, и больше уже ничего не надо. Но расходы все росли и росли. Ей требовалась «спецодежда», чтобы повсюду быть своей. А для того чтобы войти в высшее общество и получать приглашения на все эти элитные салоны, надо было водить в дорогие рестораны нужных людей. Да и прикрытие, бизнес, которым она якобы занималась, требовал больших вложений. Там, за фасадом, пустота, одни только расходы, но если дом из мрамора, да еще с позолотой, никто и не заподозрит обмана. Она старательно золотила фасад, за которым зияла пустота.

Сначала был павильончик в одном и торговых центров, почти у стен Кремля. Сувениры для иностранцев: матрешки, иконы, шапки-ушанки… Она, не скупясь, вкладывала деньги. Половина всех «заработанных» денег уходила на этот проект. Размеры ее детища росли, ассортимент менялся. В конце концов, она стала владелице галереи, в которой выставлялись для продажи привлекательные с коммерческой точки зрения картины, а среди посетителей мелькали медийные лица.

Что же касается драгоценностей… Все началось с того, что в лавчонке одного из универсамов она приобрела копеечные серьги. И надела их с норковой шубкой. Случайно получилось, просто ничего другого под рукой не оказалось, а она спешила.

– Не боитесь с такими серьгами по магазинам ходить? – спросила продавщица, заворачивая в упаковочную бумагу коробку с дорогим коньяком.

– Что?

– Серьги, говорю, у вас роскошные. Сразу видно: бриллианты.

Она чуть не рассмеялась. В самом деле, кто может подумать, что в ушах у дамы в шикарной норке, покупающей дорогой французский коньяк, грошовые серьги? Потом она случайно увидела в ювелирном магазине точь-в-точь такие же, но с бриллиантами. Она их купила и ради интереса во время выходов в свет надевала то дешевую имитацию, то белое золото с россыпью драгоценных камней. Разницы никто не замечал. Напротив, больше хвалили подделку.

А, простите, кто такие любовницы олигархов? Девочки, прямо со школьной скамьи подавшиеся в элитные проститутки. Не все, конечно, а зачем нам все? С десяток юных провинциалок, еще не обтесавшихся в столице, вполне достаточно, чтобы преуспевать. Что они видели в жизни? Их привели за ручку в ювелирный бутик и сказали, что брать надо здесь. Они ленивы, учиться не хотят, во всем полагаются на своего богатого любовника и его консультантов. А любовник настолько занят, что отваливает деньги, не считая, лишь бы к его бесчисленным проблемам не добавилась еще и эта: ездить с девочкой по магазинам.

Что же касается консультантов… Быстрый взгляд в зеркало. Да вот же он, консультант, перед вами: икона стиля, обладатель всевозможных сертификатов, дипломов, рекомендаций. Обращайтесь! Она любовно погладила колье. А хорошо получилось! Завтра оно украсит чью-то нежную шейку. А настоящее колье ляжет в этот бархатный футляр на черный день. Большая семья требует больших расходов.

…Колье презентовала самая красивая из манекенщиц. У нее были огромные голубые глаза-топазы в золотой оправе густых ресниц и длинная белая шея. Такая красота не требует украшений. Эта девушка сама украсит любое колье. На ней и подделка засияет, словно небесная радуга.

Она с умилением глядела на красавицу манекенщицу. Сама же предпочла одеться попроще. Это не ее бал. Она здесь в роли злодейки, не королевы, не

Золушки и даже не доброй феи, которая проводила ту на бал. А злодейке не стоит привлекать к себе внимание. Поэтому она надела скромный парик, (короткая стрижка, неброский цвет), спрятав под ним свои роскошные волосы, глаза скрыли стекла огромных очков, фигуру мешковатое платье. В Питере ее мало кто знал, и она с удовольствием стояла в уголке с бокалом вина в гордом одиночестве.

Вечер удался. Официанты в белых перчатках разносили шампанское, нежно пели скрипки, томительно – виолончель. Какая высокая нота! Ура! Что ж, все замечательно! Все так утонченно! Гости, кажется, довольны. Наступил момент... Она сделала маневр по направлению к одному из стендов. Драгоценности теперь лежали на бархатных подушечках, дожидаясь своего покупателя. Одно движение руки и...

Что такое? Она оторопела. Колье только что было здесь! Она поклясться может, что когда в первый раз, примериваясь, курсировала по выставочному залу, небесного цвета сапфиры в окружении бриллиантов мирно спали в черном бархате! И вот их нет! Какое коварство! Она так готовилась, доставала приглашение, каталог, заказала шикарную копию, а его просто-напросто взяли и умыкнули!

И тут она похолодела. Сейчас охрана поднимет тревогу. Кто знает? А вдруг элитных гостей попросят вывернуть карманы? Как минимум открыть сумочки. Ее рука, сжимающая усыпанный стразами клатч, похолодела. Она оглянулась, не видит ли кто, и незаметным, до автоматизма отработанным жестом вынула оттуда колье.

– О, боже! – раздался вдруг отчаянный крик. – Колье! Оно пропало! Охрана!

Главный распорядитель, надутый господин в белоснежной манишке, разом утратил всю свою респектабельность. Руки у него тряслись, лицо было красным, мокрая от пота прядь волос прилипла ко лбу.

– Вы об этом? – она, очаровательно улыбаясь, сняла с шеи сапфировое колье. – Я просто взяла его примерить. Я сделала что-то не так?

– Все в порядке, мадам.

Его лицо постепенно принимало нормальный цвет.

– Простите меня!

– Не за что извиняться, мадам. Быть может, вы хотите его приобрести?

«Хотела, – со злостью подумала она. – Приобрести, да. Но кто-то «приобрел» его вместо меня. Нет, каков мерзавец! Или мерзавка?»

– Я подумаю. А пока положу колье на место.

Она опустила украшение в уютное гнездышко из черного бархата. Как будто тут и было.

«Надо уносить ноги. А ведь оно все еще здесь. Кто?»

Инцидент с колье публика оставила без внимания. Тут все что-то примеряют. Это же выставка-продажа. И случайных людей на ней нет, только по приглашениям, поэтому организаторы абсолютно спокойны.

«Неужели кто-то из гостей? – напряженно думала она, исподтишка разглядывая публику: мужчин в дорогих костюмах и дам в вечерних туалетах. «Выходит, не одна я здесь злодейка? Есть еще один ловкач. Или ловкачка. Кто?

Дама в алом глубоко декольтированном платье, с огромными рубинами в ушах и на пальцах холеных рук? Господин в костюме от Версаче? Хорошенькая девушка, которая все время хохочет, вскидывая голову, так что бриллиантовые каскады в ее ушах раскачиваются и рассыпают искры?».

Она терялась в догадках. Обиднее всего было то, что она вору помогла. Прикрыла кражу искусно сделанной копией. Какие убытки! Только попадись ты мне, зараза!

Один из музыкантов, поклонившись гостям, не спеша зачехлил свой инструмент. Она скользнула по нему безразличным взглядом. Типичный скрипач. Интеллигентное лицо, очки, длинные тонкие пальцы.

И вдруг она поймала на себе его насмешливый взгляд. Очки были с затемненными стеклами, но она этот взгляд почувствовала всей кожей.

Скрипка направилась к выходу.

«Он». Она была полна решимости заставить его поделиться.

– Одну минутку мадам, – остановил ее элегантный седой мужчина.

– Что такое?

– Как вы находите, Ирочке идет это колье?

Она с досадой посмотрела на Ирочку. И почему именно у нее отец, или кто он ей там, спрашивает совета?

– Вы его примеряли. Ирочке показалось, что вам больше подойдут изумруды. А вот ей к лицу именно сапфиры. Вы не находите?

Скрипка уходила.

– Да, хорошо, – пересилив себя, сказала она и с улыбкой посмотрела на Ирочку, примеряющую колье. – Ей и в самом деле идет.

– Значит, берем? – подмигнул Ирочке седой господин.

– Ну, я не знаю... Мне больше нравится жемчуг...

– Берем! И жемчуг тоже! Спасибо вам, мадам, за консультацию.

– Не за что.

Она, наконец, освободилась и кинулась в погоню за скрипкой. В футляре лежало ее колье. Она была в этом уверена. Поздно. Его уже и след простыл. Она рассеянно глянула в программку, где прочитала: «Струнный квартет». Перевела взгляд на музыкантов в центре зала и машинально их сосчитала. Четверо.

Квартет и есть. Почему никто не обратил внимания на то, что какое-то время играл квинтет? Что был еще и пятый? А он и не играл. Он просто стоял у них за спиной, рядом со стендом, где было выставлено на продажу колье. А, может, и играл, но делал это так тонко, что никто не заметил фальши. Даже сами музыканты его не сдали.

Какой ловкач! Ты такой же скрипач, как я балерина! Она просто кипела от злости. Потом вдруг неожиданно улыбнулась: это ограбление войдет в историю как одно из самых нелепых. Копию сделал один, а украл другой, причем эти двое не сговаривались. Если, конечно, когда-нибудь выяснится, что камни в колье подделка. Сейчас Ирочке вручат сертификат, подтверждающий подлинность купленного ею ювелирного украшения.

День впустую. Где ты, Скрипач? Усы, очки, зализанные волосы, интеллигентное лицо, длинные тонкие пальцы – это все антураж. На самом деле ты не такой. Хотя длинные пальцы и интеллигентность трудно сыграть. Аристократизм у тебя в крови. В тебе, Скрипач, чувствуется порода. Жаль только, что мы никогда друг друга не узнаем, если вдруг встретимся где-нибудь случайно. На каком-нибудь модном курорте, в дорогом ресторане или в салоне самолета, уносящего нас к теплым морям.

Прощай, Скрипач!

* * *

Год спустя...

– Я рад, что мы, наконец, объединили свои усилия.

Хозяин огромного кабинета говорил это через силу. Привлечь к расследованию сотрудников ФСБ значит унизить лично его и его коллег. Не справляетесь, мол, а еще профессионалы! Настоящие профессионалы у нас, знаете, где работают? Так вот смотрите и учитесь!

Они, видимо, почувствовали его раздражение, потому что старший по званию из троицы фээсбэшников, влившейся в группу по расследованию громких краж антиквариата, примирительно сказал:

– Вы напрасно обижаетесь. Можно без чинов? Как коллега коллеге? – Он кивнул. – Так вот, хозяину стукнули. Был звоночек. Страховщики отказываются работать с антикварными салонами. На днях одна крупная страховая компания выплатила огромную сумму устроителям салона: пять миллионов евро. Украли картину Шагала. А ее застраховали именно на такую сумму. Это сильно испугало остальных. А с месяц назад депутат Госдумы поднял скандал. Обнаружил, что любимое сапфировое колье его дочери – фальшивка.

– Надо еще выяснить, откуда у депутата деньги на сапфировое колье, – мрачно сказал хозяин кабинета.

– Это не наше дело. На то есть комитет по борьбе с коррупцией. Кстати, колье он купил год назад.

– Что ж только сейчас хватился?

– Это опять-таки нас не касается. Наше дело обеспечить безопасность тех, кто думает о народе. А народ должен приобщаться к большому искусству. Ходить на выставки, – сотрудник ФСБ невольно поморщился, – в галереи. Куда там еще, а? Федя?

– В театры, – подсказал квадратный Федя.

– И туда тоже. В общем, отвлекаться. Тьфу! Развлекаться. Друг Хозяина, имя которого, я думаю, называть не стоит, хочет сделать людям приятно, да и себе не больно, поэтому решил устроить в Питере постоянно действующую выставку. Всякие там Шагалы… Федя, кто еще?

– Левитан! – вытянувшись в струнку, рявкнул Федя.

– Постой… Так он же давно помер!

– Они все померли. Кто раньше, кто позже, – вздохнул хозяин кабинета, все еще пребывая в мрачном настроении. Похоронном.

– А как же он тогда будет вести салон? То есть галерею? Тьфу ты, выставку! В записи, что ли?

– То диктор. Юрий Левитан. А то Исаак Левитан, – тихо сказал до сих пор молчавший третий. В отличие от Феди он был худ, застенчив, с мягкими чертами лица и какой-то виноватой улыбкой. Непонятно, как он вообще затесался в ряды фээсбэшников. Все с той же виноватой улыбкой третий пояснил: – Исаак Левитан – художник-передвижник. Ему особенно удавались пейзажи. «Золотая осень», к примеру. Очень известная картина.

– Не люблю я это искусство, – поморщился его начальник. – Вот ты, Громов, и бери на себя работу с экспертами. Раз так хорошо разбираешься в живописи.

– Есть!

– В общем, был звонок. Выставку отказываются страховать, а без этого ее открыть никак нельзя. И, в конце концов, они правы. Проще поймать вора…

– Воров, – поправил хозяин кабинета. – Мои люди хорошо поработали. Похоже, все кражи – дело рук преступной группы в составе двух человек, мужчины и женщины. Один отвлекает внимание, другая совершает кражу. Заменяет раритет подделкой. Они все время меняют внешность, прекрасно разбираются в психологии людей, используют нестандартные ситуации.

– Бонни и Клайд? Сладкая парочка бандитов?

– Вроде того.

– Так почему же их до сих пор не задержали, раз все про них известно?

– Во-первых, известно далеко не все, – тяжелый вздох. – Они живут в разных городах, один в Питере, другая в Москве. Друг с другом не общаются, делают вид, что незнакомы. Канал связи не известен, следовательно, доказательств нет. И за руку никого из них не поймали. Невозможно ведь предугадать, кто на этот раз украдет, а кто будет только отвлекать внимание, он или она. Пока нам не удалось разгадать ни одну их комбинацию. Мы думаем, как это сделать.

– Давайте совместными усилиями попробуем разработать операцию, в результате которой и доказательства будут, и полная ясность, кто есть кто, и выставка в Питере, наконец, откроется. Громов?

– Я здесь.

– Займись.

– Есть!

Репин. «Не ждали»

– Привет! Я дома!

Наконец-то! Все пробки в Москве собрала! И вот он, сладостный дом! Она счастливо улыбнулась, открывая входную дверь, и сказала сама себе:

– Заходите, дорогой Карлсон, ну и ты, Малыш, так и быть, проходи… Кстати, где ты, Малыш? Эй? Ничка? Где ты? Где все?

В доме было тихо. Вообще-то этот дом предмет ее гордости, родившийся в безумных мечтах, когда она с крохотной дочкой ютилась на съемной квартире, а родители еще не переехали в Москву, жили в другом городе. Когда у них еще не было Таси, а Костик не поступил в институт. Тогда она мечтала объединить всю семью и построить для них огромный светлый особняк. В котором они будут жить долго и счастливо.

Теперь она живет в доме своей мечты вместе со своей семьей. Большой, да. И дружной. Но такое ощущение, что все домочадцы дружат против нее. Против кормилицы. Против автора проекта под названием «Большая дружная семья Семеновых». Вместо того, чтобы встретить ее, уставшую, с работы за накрытым для ужина столом, задать положенные в таких случаях вопросы, что да как, поохать, успокоить, посочувствовать наконец, они все ушли по своим делам. Их нет дома. Ни-ко-го.

«Что я сделала не так?» Ее всегда мучило чувство, что с ней не все в порядке. Не так, как с другими. На Боженьку жаловаться грех, наделил ее всем, о чем только можно мечтать, стройной фигурой, не склонной к полноте, красивыми, хотя и не

очень длинными ногами, роскошными волосами, большими глазами. И про ум не забыл, спасибо ему, ум у нее острый, быстрый, память великолепная. Почему же возникает чувство, что, наделив всем этим, ее в то же время ополовинили? Забрали что-то важное, а что, она, хоть убей, так и не может понять. Потому и дом пустой – все ушли. Сбежали. Чтобы не выслушивать ее отчета о прожитом дне, не сочувствовать, не утешать. Они уверены, что ей этого не надо. Ох, как надо!

Она скинула туфли и прошла на кухню. Зря грешила на домочадцев: ужин на плите. Кастрюля заботливо укутана махровым полотенцем, чтобы не остыла.

– Я сейчас сделаю салат.

Она вздрогнула и обернулась: папа.

– Что-то ты подзадержалась, дочка.

– Пробки, – виновато сказала она.

Почему-то она всегда чувствовала себя виноватой. Кладя каждый месяц в «шкапчик» деньги на расходы, краснела от стыда. Ведь они не знали, что это за деньги. Уезжая утром на работу, виновато говорила, что вернется поздно. Выходя в субботу из своей спальни только к обеду, тут же начинала оправдываться, что за неделю сильно устала. И виновато смотрела, как Тася разогревает еду специально для нее. Ей никто не смел отказать. Она имела право требовать. Потому что все они, мама, папа, Тася, Ничка, Костик жили за ее счет. На деньги, которые она… Впрочем, неважно.

– Тебе помочь? Давай я разогрею плов, – засуетился папа. Пожалуй, он один чувствует себя неловко. Хотя ему-то уж точно не в чем оправдываться. Так получилось.

– Так получилось, – сказала она вслух. И, с благодарностью принимая от него тарелку с пловом, спросила: – А где все?

– Костик уехал с друзьями. – «Это понятно». – Ничка ушла в гости, бабушка, разумеется, пошла с ней. – «Разумеется!» – Тася отправилась к соседке смотреть

ее посадки.

Это тоже в порядке вещей. Тася – давняя мамина подруга. Они из одного города. Про Тасю в семье говорят: «Человек со сложной судьбой». Сложная судьба заключается в том, что Тася ни дня не работала, поэтому получает теперь «минималку», на которую прожить невозможно. А не работала Тася, потому что у нее были мужья. Они ее содержали. Только не надо думать, что она какая-нибудь утонченная красавица, а ее мужья были знаменитыми актерами, режиссерами, на худой конец научными работниками. Вовсе нет. Первый был строителем, кажется, бригадиром. Второй подвизался слесарем в каком-то ЖЭКе. Третий вкалывал дальнобойщиком и все время уходил в рейсы. Из одного он так и не вернулся, встретил любовь всей своей жизни, а Тасина была разбита. К тому времени ей стукнуло сорок, она утратила свою и без того неброскую красоту и осталась на бобах. Четвертого мужа для нее не нашлось, и карьера содержанки для Таси завершилась. Образование у нее было средненькое, то есть много-много лет назад Тася окончила техникум, сама уже не помнила какой, и на работу ее брали только в торговлю. Детей у нее, к счастью, не было ни от одного из мужей. За последующие пятнадцать лет она промотала машину, оставшуюся от дальнобойщика, почти всю мебель, подарки бывших мужей и что-то там не сложилось с торговлей. В итоге Тася задолжала своим работодателям фантастическую сумму. Ей пришлось продать квартиру, часть денег ушла на погашение долга, оставшуюся Тася быстренько промотала. Со съемной квартиры ее попросили, а родственники приглашать к себе не спешили.

И тут ее подруге, заболевшей раком, как раз потребовалась сиделка. Они дружили давно, еще с техникума, в котором вместе учились, и потом все время перезванивались. И Тасе было сделано предложение, от которого она не смогла отказаться. Так она появилась в доме Семеновых. Из родного города переехала в Подмосковье, в только что отстроенный большой и светлый коттедж, где ей выделили комнату на первом этаже. С тех пор прошло пять лет. Маме уже не нужна сиделка, но Тася успела стать членом семьи и никуда отсюда не съедет.

В принципе глава семьи ничего не имеет против Таси. Сама она все время на работе или в разъездах, а в доме требуется помощница по хозяйству. Маме сделали сложную операцию, и врачи велели ей беречься. Проблема в том, что помощница по хозяйству из Таси никакая. Она ленива и болтлива, хотя умеет все. Но заставить ее что-либо сделать надо еще суметь! Таисия Семеновна (почти Семенова!) моет пол, как английская королева в изгнании, с таким видом, будто все, кто ходит по этому полу, ее нижайшие подданные. С таким же лицом

стоит у плиты или драит кастрюли.

И еще у Таси есть одна маленькая слабость. Она не прочь пропустить рюмочку-другую. А поскольку в доме Семеновых никто не пьет, у кормилицы важная и ответственная работа, у ее мамы рак, у Костика спорт, отец всех возит, а Ничка еще маленькая, Тася ходит по соседям. Она водит дружбу со всеми окрестными домработницами и с тещами, которые живут в домах богатых зятьев на правах экономок, а также со свекровями, которых эксплуатируют разбогатевшие снохи. Но таких, надо признаться, мало. Балом в коттеджном поселке «Забава» правят мужчины, а женщины у них на коротком поводке. Поэтому Тася, наскоро переделав домашние дела, садится на телефон и выясняет, кто на сегодняшний день свободен. То есть готов составить ей компанию. По рюмочке, под сериал, сплетничая о соседях, а если нет новостей, то о звездах, благо всегда есть о чем. Свадьбы-разводы-болезни-похороны и, разумеется, скандалы в чужих семьях занимают все свободное Тасино время. А она старается, чтобы его было как можно больше. И, надо признать, весьма в этом преуспела. Рис в плове сегодня почти сырой. Отругать? Завтра об этом узнает весь поселок. Лучше промолчать.

Костик. Брат. Младший, у них большая разница в возрасте. Ей хорошо за тридцать, а Костик еще студент. Мама родила его в тридцать восемь. Костик долгожданный, балованный, обожаемый сынок. Он все еще ребенок, несмотря на то, что над верхней губой пробиваются темные усики, на животе такая же темная дорожка густых волос, и ниже все в полном порядке: Костик в состоянии иметь собственных детей. Он хорошенький, как Купидон, беспечный и бесшабашный. Делать он ничего не умеет, но зато у него куча друзей, которые тоже ничего не делают, но знают толк в развлечениях. Характер у Костика легкий, на него просто невозможно сердиться.

«Могло быть и хуже», – думает она о брате. Хуже, это когда пьяница, или наркоман. Или игрок. А Костик даже не курит. И он не игрок. То есть Костик играет в футбол, волейбол, баскетбол, хоккей. Даже в регби. В бильярд играет, но никогда на деньги. Он на редкость спортивен и в рот не берет спиртного. Исключение составляет спортбар, где Костик со своими многочисленными друзьями иногда проводит вечера и может пропустить кружечку-другую пенного. Но не больше. Он где-то учится, она уже позабыла где. Костик без конца берет академический отпуск и как-то выкручивается, когда приходит очередная повестка в армию. Разумеется, он так занят, что нигде не работает. Некогда ему.

Ничка. Дочь. Полное имя Вероника. Вероника Семенова. Еще совсем ребенок, не как Костик, а по-настоящему. Ничке девять, ее каждое утро возят в школу то дед, то Костик. С Костиком они не как племянница с дядей, а как сестра и брат. Они друг друга обожают. Она, вечно занятая делами мать, с ужасом думает, что же вырастет из девочки, которую воспитывает Костик? Даст бог, удачно выйдет замуж. Это ее тайная мечта: Ничка выходит замуж за олигарха. И все проблемы решены. Маме больше не надо воро... Т-с-с!!! В семье об этом никто не знает. У мамы Нички ГАЛЕРЕЯ. Мама торгует картинами и антиквариатом и знает всю Москву, а ее знает вся Москва. Так что шанс выдать дочь за олигарха есть. Жаль, что ждать еще очень долго.

Кто еще? Другие члены семьи Семеновых, чтобы картина была полной. Парадный семейный портрет, так сказать. Папа и мама. Алексей Антонович и Елена Николаевна Семеновы. С мамой все понятно. Ей сделали операцию, и она бережется. Присматривает за Ничкой, и на том спасибо! Она замечательная бабушка. Вот и сегодня сопровождает Ничку, они ушли в гости в соседний коттедж. Там весело, не то что здесь. А почему не весело у Семеновых? Потому что Костик уехал. Вот если бы он был дома, и пригласил бы своих приятелей вместе с их девушками, Ничка бы отсюда никуда. Костика она обожает. А ее мама скучная, все время работает, а если вдруг оказывается дома то домочадцы ходят на цыпочках и говорят: «Тс-с-с...» Она невольно вздыхает. Сама во всем виновата.

Отец... В пятьдесят пять он потерял работу. Его сократили. Бывает. Как раз в это время тяжело заболела его жена, ее мама, и полгода он мотался с ней по больницам. Анализы, обследования, томительные ожидания, проверка и перепроверка диагноза, поиск чудодейственных средств. Потом Елене Николаевне сделали сложную операцию. Деньги дала дочь и продолжала их давать. Когда он опомнился, ему стукнуло пятьдесят восемь, потом пятьдесят девять. На работу уже не брали, зато до пенсии рукой подать. И Алексей Антонович подал, одновременно махнув другой на работу. А ну ее! Хватит! Напахался!

Она не стала возражать. Папа вовсе не бездельник. Мужа у нее нет, поэтому вся мужская работа по дому лежит на отце. А дом немаленький и участок тоже. К тому же у Семеновых две машины, одна ее, другая разъездная. Тася в постоянно ездит в магазин за продуктами, мама к врачу, Ничка в школу, на теннис, в бассейн. Костик все время куда-то спешит, но папа его, разумеется, не возит. Костик берет машину сам и ставит ее на место грязной, а иногда и помятой.

Мыть и чинить ее он ленится. В общем, у отца нет ни минуты свободной. Но сейчас именно он делает для нее салат.

– Спасибо.

Она и в самом деле ему благодарна.

– У тебя все хорошо, дочка?

– Да, все в порядке.

– Тогда я пойду. Что-то газонокосилка забарахлила, а трава нынче так и прет.

Это правда. Май выдался на редкость дождливый и жаркий, поэтому газоны только успевай косить.

Хлопнула дверь, она опять осталась одна. Мысленно сделала последний размашистый мазок кистью. Вот и все. Семейный портрет завершен, готовьте раму! И стало вдруг очень тоскливо. Выпить, что ли? Надо как-то расслабиться. Но ведь есть и другой способ.

Она достала мобильный телефон и торопливо набрала номер.

– Юрик? Привет! Что делаешь? Да, хочется тебя увидеть. Очень. Давай в нашем мотеле, в Москву неохота ехать, пробки. Хорошо, я подожду.

Надо бы переодеться. Юрик – ее любовник, и к нему она является как на парад. Он младше нее на… Впрочем, неважно. Он очень хорошенький, нежный, сладкий, с такими умелыми, ласковыми пальцами, с чувственным ртом, похожим на пещеру Аладдина, в которой полно сокровищ. Она каждый раз ныряет туда своим языком, замирая, и не было еще случая, чтобы Юрик ее разочаровал. У него глаза, похожие на маслины, в их темной сочной мякоти почти не видно зрачка, густые мохнатые ресницы, совсем как у девушки, а над постоянно влажными губами темные усики. Юрик еще очень молод. Он аспирант, такой же, каким в ближайшем будущем станет Костик. У Юрика обеспеченные родители. Нет, не богатые. Обеспеченные. У них нет огромного коттеджа в ближайшем пригороде, как у нее, но есть хорошая квартира в спальном районе, у каждого

члена семьи машина. Есть стабильный доход – зарплата отца, сотрудника частной фирмы, и зарплата мамы Юрика, банковского работника. Они делают все, чтобы их единственный сын ни в чем не нуждался. Он и не нуждается. Юрик стараниями отца (или матери?) числится в аспирантуре не очень престижного, но зато надежного вуза, то есть в армию его не забирают и вряд ли уже заберут. Юрику двадцать шесть, еще один год в аспирантуре – и конец мучениям.

Кстати, Светлана Георгиевна, мама Юрика, прекрасно знает, что у него есть любовница, знает о разнице в возрасте почти в десять лет, но против их свиданий не возражает. Напротив, Светлана Георгиевна очень довольна, что у сына такая красивая, а главное, обеспеченная любовница. Они познакомились в… Впрочем, неважно, где именно она его подцепила.

Юрик нужен ей не столько для души, сколько для тела. Они мало говорят, он понятия не имеет, чем на самом деле занимается его любовница, а она никогда не спрашивает, есть ли у него еще кто-нибудь. Он прекрасно справляется со своими обязанностями, ведь он не устает на работе, нечасто заглядывает в вуз, в котором числится, долго спит, вкусно ест. Даже в спортзал ленится ходить, его ласки такие же нежные, почти бестелесные, как и он сам, сладкий мальчик с яркими влажными губами, и когда они занимаются любовью, у нее создается ощущение, что она в коконе. Ее всю обволакивают, как паутиной, его прикосновения, едва ощутимые поцелуи, еле уловимые касания его умелых пальцев. И вдруг из этого кокона вылупляется яркая бабочка, взмах крыльев – и все уже кончено. Бабочка улетела, цветок захлопнулся, сладкий нектар разлился по всему телу, она согрелась и, кажется, насытилась.

– Тебе хорошо?

Она забылась на время, только и всего. Женщине нужен мужчина, если не любящий муж, то хотя бы умелый любовник. Иначе она захиреет, зачахнет, впадет в меланхолию, потом начнет ходить по женским врачам, а те находить у нее различные болезни, ставить диагнозы, выписывать кучу ненужных лекарств, в общем, все будет плохо. Она не хочет ходить по врачам и впадать в меланхолию, поэтому мчится к Юрику, когда ей плохо и одиноко, вот как сейчас. Она вечность томится в мотеле, дожидаясь его, потому что пробки. Ей ехать близко, ему далеко. Она лежит на кровати, мечтая о том, что сейчас будет.

Вот он войдет и прямо с порога набросится на нее с поцелуями, нетерпеливый, жадный, истомившийся. Потом, не отпуская другу друга ни на секунду, они

медленно, губы в губы, переместятся к кровати. Она упадет первой, увлекая его за собой. И тут же забудет все: свое одиночество, пустой дом, где ее никто не ждет, рискованный способ добывания денег, о котором никто не знает, Костика, Тасю, маму, папу... Только о Ничке она никогда не забывает, поэтому никогда не отключает мобильный телефон. Сумасшедшая мать всегда берет верх над ненасытной любовницей.

Что ж он так долго? В своих мечтах она уже дошла до финала. Полежала немного, отдохнула и мысленно перемотала пленку. Еще один сеанс бурного секса. Вот он тянется к ней влажными губами...

Кто-то скребется в дверь. Она с досадой кричит:

– Открыто!

Входит Юрик и тут же жалуется:

– В Москве жуткие пробки!

– Я знаю.

Она встает, идет ему навстречу. Даже намучившись в дороге, он приходит к ней, готовый к любви. Губы в губы они, медленно, словно танцуя, перемещаются к огромной кровати. «А в мечтах все было лучше», – невольно отмечает она. Или проблема в том, что в мечтах-то все уже произошло? Появись он чуть раньше, в момент, когда снимал с нее лифчик или хотя бы трусики, там, в ее мечтах...

– Что с тобой? Я делаю что-то не так?

– Все так. Я просто заждалась.

Она хотела сказать «переждала». Так бывает. Бабочка истомилась в коконе, утонула в обильно смочивших ее соках, и теперь надо потратить много усилий, чтобы она, наконец, выпуталась и покинула цветок. Хорошо, что Юрик терпелив, ему никуда не надо торопиться. Она не ошиблась в выборе любовника. Но когда его нежное тело все же добилось от ее уставшего долгожданного ответа, она невольно опять подумала: «А в мечтах все было лучше».

– Я закажу шампанского? – спросил он, вернувшись из душа.

– Шампанского? – она приподнялась на локте. – Постой, ты разве не за рулем?

– Я взял такси. И, доехав, отпустил. Ты ведь меня отвезешь?

– Да, конечно, – ответила она машинально.

И он тут же потянулся к телефону. Заказ в номер.

– Ты что, выпьешь целую бутылку? Я-то за рулем.

– Есть повод.

У него на лице загадочная улыбка. До чего же хорошенький!

– И что у нас за повод?

– Погоди, вот вина принесут.

– Как ты провел день? – в ожидании шампанского и сюрприза она затевает разговор, который ни ему, ни ей не интересен.

– Встал. Позавтракал. Посмотрел телевизор. Мама позвонила. Пошел в салон красоты. Я там стригусь и делаю маникюр. Сегодня делал маникюр. Да, еще заехал в институт. Я так устал! Эти жуткие пробки!

– Да, в пробках устаешь.

Слава богу, принесли шампанское. На подносе рядом с бутылкой лежала коробка шоколадных конфет. Видимо, для нее.

– Ну, за что пьем? – спросила она, поднимая наполненный бокал, из которого не собиралась пить.

Машинально отметила, что шампанское он заказал дорогое. Да и конфеты не из дешевых, лучшее, что у них есть. Что ж, он не знает, что такое бедность, и никогда не знал. И уже не узнает, похоже. Обеспеченные родители этого не допустят. И любовниц он выбирает не из бедных студенток, которые наверняка строят красавчику глазки. Она почему-то уверена, что Юрик ей не изменяет.

– Карина, выходи за меня замуж!

– Как-как?

Вообще-то она Екатерина. По паспорту. Из ее длинного прекрасного имени можно сделать массу производных: Катя, Катерина, Катрин, Рина, Карина. Она использует их все соответственно обстоятельствам. Для мужчин, которые ее лю... с которыми она спит, она – Карина. Роковая женщина, исполненная чувственной страсти.

– Я делаю тебе предложение, Карина.

Она чуть не рассмеялась, представив, что кроме Костика в ее доме поселится еще и Юрик. Они, разумеется, тут же подружатся, сын и муж – разница в возрасте очень мала, и у Нички уже будет не один, а два старших брата. Эти трое станут чудесно проводить время. В спортивных барах, на теннисных кортах, быть может, Костик даже приобщит Юрика к футболу и хоккею. Они будут вместе орать под пиво: «Шайбу, шайбу!» или «Го-о-о-ол!!!», спать до полудня, потом поедут на маникюр, к которому Юрик наверняка приобщит Костика. Они чудесно друг друга дополнят. А что останется ей?

Зарабатывать для них деньги. Нет, они, конечно, не свиньи неблагодарные. Костик очарователен, Юрик прелестен. Приехав вечером уставшая, она будет получать свою порцию ласк, ее тело будут обслуживать по высшему разряду, это он умеет. Муж. Она чуть не рассмеялась.

– Ну, так как?

– А что скажет твоя мама? – попыталась выкрутиться она.

– Мать, в принципе, не против. Мне показалось, что вы прекрасно ладите. Она, кстати, не возражает, чтобы я переехал к тебе.

– Давай пока подождем. Меня смущает разница в возрасте.

– Мы же не планируем детей, – с обидой сказал он. – Впрочем, если ты хочешь.

Детей?! Она чуть не уронила на пол бокал с шампанским. Он сказал – детей?! Это уже будет седьмой нахлебник, их с Юриком ребенок. Сколько же ей придется украсть?!

– Я столько не могу, – вслух сказала она. – Пока не могу. То есть, милый, мне надо подумать. Совесть не позволяет. Скажут: старуха окрутила ребенка.

– Да какая же ты старуха?

– Все равно – я пока не готова.

– Хорошо, подумай, – важно сказал Юрик. – Я тебя не тороплю. И помни: разница в возрасте меня нисколько не смущает. Я буду любить тебя всегда.

… Домой она вернулась поздно. Юрика, который выпил почти бутылку шампанского, пришлось отвезти в Москву.

– Может, зайдешь? – спросил он, потянувшись к ней сладкими от шампанского и шоколада губами, словно теленок к вымени. И даже причмокнул: вкусно! – Мама будет рада.

– Поздно уже. Мне завтра на работу.

– Ах, на работу… Сочувствую.

– А ты… Ты никогда не думал о том, чтобы…

– О чем?

– Нет, ничего.

– Я тебе позвоню. Не забудь: я жду ответа.

– Хорошо.

– Уверен, мы будем счастливы вместе.

Юрик ушел, а она еще долго сидела в машине, глядя на окна его квартиры. Там горел свет. Она там бывала, и не раз. Она прекрасно ладила с его мамой и чуть-чуть флиртовала с отцом. Она даже нашла общий язык с их домработницей, что было несложно.

«Может, и в самом деле, взять да и выйти замуж за этого мальчика? А что будет, если меня посадят? Все, разумеется, станут сочувствовать ему и осуждать меня. И его мать, которая так замечательно ко мне относится, начнет меня поносить и всем говорить: «Надо же было так обмануться! Сноха-воровка! А изображала из себя порядочную, говорила, что живет и дышит только искусством!» Нет, я не выйду за него замуж. Нужно найти какой-то предлог. И вообще: мне надо работать».

Год назад на антикварном салоне она поймала за хвост удачу. Крохотный пейзаж Пикассо, который она тогда украла, удалось продать постоянному клиенту. Цена за краденую картину далека от аукционной, но это все равно немалые деньги. Они прекрасно прожили этот год, большая дружная семья Семеновых, но с тех пор удача от нее отвернулась. С Шагалом получилась накладка. Картина была застрахована на огромную сумму, и теперь вся милиция в стране поднята по тревоге. Она уже чувствует их невидимое присутствие в своей жизни. С Шагалом придется подождать. Пусть пока полежит в тайнике. Но ей очень нужны деньги! Необходимо поддерживать тот образ жизни, к которому привыкла ее семья.

Надо срочно что-то придумать. И желательно без риска. Когда не было ничего, она довольно легко относилась к мысли о том, что когда-нибудь сядет в тюрьму, и надолго. Но теперь, когда жизнь вошла в привычную колею, когда у нее есть большой дом, а в нем мама, папа, Ничка, Костик, Тася, пусть даже они не встречают ее с работы, не беспокоятся о ней. Они есть, и она за них отвечает. Есть Юрик, в конце концов, который не годится на роль мужа, но чудесен как

любовник. И все теперь изменилось. В тюрьму уже что-то не хочется. И нужно найти менее рискованный способ добывания денег.

Она еще не знала, что завтра проблема решится. Помощь придет оттуда, откуда ее не ждали, и она эту помощь с благодарностью примет. Хотя и не сразу.

Васнецов. «Витязь на распутье»

– Здравствуй, сыночек.

Она протягивает руки, чтобы забрать у него сумки. Высокая статная женщина с седыми волосами, сколотыми на затылке в тугой пучок, его мама. Она не красит волосы и не пытается выглядеть моложе своих лет. Но для него она все равно самая прекрасная женщина на свете и пока единственная.

– Нет, нет, я сам. Мам, тебе нельзя поднимать тяжести.

Он относит сумки на кухню и принимается выкладывать на стол деликатесы.

– Ты опять всю неделю колесил по городу в автобусах с туристами? – сердится мама. – Гера, нельзя же так гореть на работе!

Вообще-то он Георгий. По паспорту. Из его торжественного имени можно сделать много других, менее длинных имен, поскромнее: Жора, Гоша, Жорж, Юрий, Егор. Он использует их все соответственно обстоятельствам. И только мама зовет его Герой.

– Мы вполне можем обойтись и без икры, – продолжает сердиться она. – Без крабов, семги и прочего. Главное, Герочка, – здоровье. Его надо беречь.

– Я не устал, – невольно улыбается он. Мама обожает икру. Выговаривая ему за траты, она одновременно намазывает бутерброд. Ему удалось-таки ее порадовать.

Она могла бы прожить и без икры, крабов и осетрины, без испанской клубники в мае и хорошего французского вина к столу. И жила так долгие годы. Его родители коренные петербуржцы, мама музейный работник, отец окончил кораблестроительный и всю жизнь трудился в конструкторском бюро, они всегда жили достойно. Ни мать, ни отец ни разу не совершили ничего противозаконного, и даже в изменившейся коренным образом в начале девяностых стране не попытались разбогатеть, используя свои знания, опыт и связи. В новых условиях интеллигентному человеку либо тоже надо было меняться, становиться предприимчивым, врать без зазрения совести и забыть, что такое дружба, потому что у больших денег друзей нет, либо тихо замкнуться в своей бедности и сохранить чувство собственного достоинства. Его родители выбрали второй путь. Они, не делая никаких попыток изменить свою жизнь, тихо-мирно доработали до пенсии и достойно удалились на покой.

Когда он думал об этом, чувства брали верх над разумом. У него в душе все просто кипело. Он знал множество людей абсолютно никчемных, не наделенных никакими талантами, скверно образованных, наглых и бесцеремонных, которые тем не менее процветали. И такие интеллигенты с принципами, как его родители, перед ними пасовали. Однажды отец задешево продал одному такому господину фамильную реликвию. Семья тогда особенно нуждалась в деньгах. Мама, музейный работник, прекрасно знала истинную цену этой вещи, да и отец знал. И он знал. Они все знали. Но перед наглостью покупателя, который тоже все знал, мгновенно спасовали.

– Что вы хотите? – кисло сказал тот. – Надо к оценщику, нужна экспертиза, а она денег стоит. Антиквариата сейчас полно, все продают. А я вам здесь и сразу даю деньги. Хорошие деньги. Ну, решайтесь. Вот вся сумма.

Покупатель небрежно швырнул на стол пачку купюр и преспокойно положил в карман семейную реликвию. Даже не дожидаясь согласия ее владельцев. Они всегда так делали, хозяева жизни, сколько он их знал. Они не нуждались ни в чьем согласии. Когда страна оказалась на распутье, они пришли и взяли, никто ведь не предполагал, что так можно. А цену назначали такую, какая им удобна. Папа смутился, мама покраснела, и оба не нашли что возразить.

А у него язык словно к небу присох. Он рос интеллигентным мальчиком, хорошо воспитанным, играющим на скрипке и неплохо знающим иностранные языки. Ходил на концерты классической музыки, томился в читальных залах библиотек и больше всего на свете любил бывать у мамы на работе. Он получил никчемное

с точки зрения добывания денег образование: окончил Историко-архивный институт. Это была первая попытка получить самостоятельность: учился он в Москве. Знание столицы ему впоследствии очень пригодилось.

Кризис с деньгами в семье случился и из-за него тоже. Из-за его никчемного образования и позорной работы. Это была прекрасная работа с точки зрения людей интеллигентных. Искусствовед, научный сотрудник одного из крупнейших в Питере музеев, внесенного туристами в список обязательных для посещения достопримечательностей, а в свободное время экскурсовод. Уже тогда он возил по городу иностранных туристов, благо прекрасно владел французским и английским. Денег, чтобы жить достойно, их семье хватало. А к роскоши они не привыкли.

Но родители решили купить дачу. Это была авантюра. Интеллигентов с принципами, решивших под старость лет подружиться с кормилицей-землей, ожидает масса открытий, и далеко не все из них приятные. Но решение было принято, место выбрано, участок осмотрен, дело оставалось за малым: за деньгами. Они решили строить дом. В их почтовый ящик бросили рекламный проспект, родители увидели цену и загорелись.

– Нам не нужен огромный особняк, – горячо говорила мама. – Вот этот маленький уютный домик нас вполне устроит. Ты посмотри, Герочка, какая приятная цена!

Теперь, вспоминая об этом, он смеялся. Да что там! Хохотал! Его родители решили строить дом! Смешнее ничего и придумать нельзя! Но в то же время он был им благодарен. Не случись та давняя история с дачей, с продажей задешево семейной реликвии, он так и остался бы музейным работником. А сейчас он им остался, но у него есть и иная жизнь, тайная. Он стал совершенно другим человеком, и попадись ему сейчас тот господин...

Впрочем, не надо. Месть – неконструктивное чувство. К успеху надо идти с холодным сердцем. История графа Монте-Кристо по-прежнему греет душу и будоражит воображение, но времена нынче не те. Кладов больше нет. Деньги можно либо заработать, либо украсть. А быстрые деньги только украсть. Если сведение счетов одновременно приносит выгоду, тогда можно попробовать. Если судьбе угодно, они когда-нибудь встретятся, но искать того предприимчивого господина он не станет. Это время можно потратить с пользой.

Дом в итоге был построен. Родители никогда не узнают, на какие деньги. Их средства, вырученные от продажи семейной реликвии, разворовали в первый же год. Строители мгновенно чувствуют слабину. Вот кто прекрасно разбирается в психологии людей! В первую очередь они проверяют, можно ли развести клиента на бабки, и если убеждаются, что можно, то все, конец. Они будут тянуть, сколько возможно, рисовать воздушные замки, чертить заманчивые проекты и привозить бесконечные образцы, чуть ли не каждый день таскать к своим поставщикам, выбирать, согласовывать, что-то минимально делать для видимости, пока не поймут, что деньги у клиента закончились. И тогда они исчезают, а недостроенный дом или неоконченный ремонт остается проблемой легковерных хозяев.

История с домом началась десять лет назад. И через пять лет благополучно закончилась. У любящих родителей есть одно свойство: они бесконечно верят своим детям. Мама и папа верили в его премии, в «муниципальный фонд жилья», который выделил ему, научному работнику, отдельную квартиру на Васильевском острове. Верили в командировки. Страна просто сгорала от желания узнать о творчестве художников-передвижников, это тема его кандидатской. Если точнее, он специализировался на творчестве одного из них, малоизвестного широкой публике Федора Васильева. Гения, скончавшегося в возрасте двадцати трех лет, юноши-мастера, как его называли. И все российские музеи мечтали услышать лекцию именно о Васильеве. Георгий Викторович Голицын, пропагандирующий его творчество, постоянно был в разъездах. Мама им гордилась.

Она искренне радовалась, что труд музейных работников теперь так ценится и хорошо оплачивается. Сама она вот уже пять лет была на пенсии и с бывшими коллегами старалась не общаться. Не потому, что считала себя выше этого, просто тосковала. Не хотела вспоминать о работе. Она ведь ее так любила. Теперь большую часть времени родители проводили на даче. Он считал дом забавой, игрушкой, которую купил им, и расходы на нее продолжал брать на себя. Камин в зале, редкие сорта растений, машинку для стрижки газонов, последнюю новинку. Мама иногда спрашивала:

– Гера, а сколько это стоит? Наверное, дорого?

– Не беспокойся, я подрабатываю экскурсоводом. Иностранцы хорошо платят, – врал он.

«Командировки» случались разные. Бывали деловые поездки, из которых он привозил очередную вещь на продажу. А были курортные туры, где он лихо спускал заработанные на ней деньги. Видели бы его мать с отцом!

На отдыхе он совершенно преображался. Никаких очков с диоптриями, к черту деловые костюмы и галстуки! Долой бесконечные парики! Забыть о гриме! Джинсы, стильные свитера, толстовки, шорты, яркие футболки, обтягивающие мускулистый торс. Десять лет назад он поменял скрипку на штангу, а папку с нотами на абонемент в фитнес-клуб. Поначалу ему пришлось тяжело, но оно того стоило. Теперь он был в отличной физической форме и чувствовал себя гораздо увереннее, чем когда все начиналось. У него было две жизни, одна вполне комфортная, но скучная, а другая опасная, когда от мощных выбросов адреналина буквально закипает кровь, зато доходная. Он иногда, холодея, думал: «Не страшно, что посадят, но мама узнает. Она узнает правду! Конечно, его простит, потому что она мать. Но себя простит вряд ли за то, что вырастила сына-вора». Как-то отец ему сказал:

– Даже если ты убьешь, я буду тебя защищать, потому что ты мой сын.

И мать его молчаливо поддержала. Вот какова сила их любви! Они спросят не с него, а с себя, и казнить будут себя, поэтому он поклялся, что не будет сильно рисковать, и сделает все, чтобы не получить срок. Он уставал от такой жизни, и время от времени ему требовалась разрядка. Тогда он говорил родителям, что едет в очередную командировку и покупал билет на самолет, после чего исчезал дней на десять.

Он сходил с трапа в каком-нибудь курортном городе, небрежно накинув на широченные плечи свитер, настоящий мачо: солнцезащитные очки спортивного стиля прячут наглый, ищущий взгляд, белые зубы сверкают в улыбке, на бронзовых щеках играет румянец. Благодаря частым поездкам на курорты с его лица не сходил загар. Он имел бешеный успех у женщин: красив, богат и – свободен.

Его курортным романам не было числа. Он летал за границу не меньше четырех раз в год и везде с легкостью тратил деньги и лихо соблазнял женщин. Да они и сами рады были соблазниться. Ему нравились хорошенькие юные девушки, едва созревшие, но уже циничные, поглощенные заботами о себе, о своем теле, о том, как хорошо устроиться, чтобы ничего не делать и все иметь, с неожиданными всплесками безрассудной страсти. Сердцем они хотели любить, но их юные

головки постоянно зомбировали, молодость, мол, одна, и надо прожить ее с толком, пустить капитал в оборот. Но как же они хотели любить! Красивого, богатого, щедрого. Плавиться на золотистом песке у самой кромки воды в его горячих объятьях, сгорать на закате в поцелуях, а на рассвете томиться от нежности, млея в его роскошном люксе на душистых простынях. И ни о чем не думать, кроме как о том, что все будет хорошо. Что это начало новой жизни, и вся она отныне будет праздником. Когда главная проблема решена, принц нашелся, охота окончена, можно и чувствам дать волю. Сдаться на милость победителя и показать ему, какая же она сладкая, его добыча.

Он без зазрения совести обманывал этих красоток. Представлялся то адвокатом, то банкиром, то бизнесменом – самые популярные профессии потенциальных женихов. Он никогда не ездил на курорт с любовницей. Зачем? Лучше заранее знать, что они улетят в худшем случае разными рейсами, хотя и в один день, а в лучшем – вообще в разные дни, и по телефонному номеру, который она еще неоднократно будет набирать, ответит совсем другой человек. А адрес электронной почты просто беспорядочный набор букв, дом, где он якобы живет, выдуманный. И адвокат Жорж или бизнесмен Егор в природе не существует. Но они верили. О, женщины! Эти странные существа, всю жизнь пребывающие в поисках неземной любви. Они так верят своим фантазиям, что любая ложь со стороны мужчины, который хочет им понравиться, не встречает сопротивления. Особенно, если принц с легкостью сорит деньгами.

Совесть никогда его не мучила, он платил за все. За рестораны, за машину, если приходилось выезжать в город, за ювелирные украшения, которые они все почему-то считали гарантией серьезных отношений. Его возлюбленная с неделю чувствовала себя на седьмом небе от счастья, в постели он ей тоже ни в чем не отказывал.

Ему нравилась эта игра. Она приходила к нему в номер коварной соблазнительницей. И поначалу видела только себя: свое загорелое гладкое тело, кружевное белье, такое красивое, искусный рисунок на ногтях. Она пришла дарить себя. Заставить его потерять голову и получить в итоге брачное предложение. Он знал, что женщина, которая сможет зажечь его так, чтобы в душе сгорело все, кроме чувства к ней, и в самом деле станет его женой. Только тогда придется завязать. Что ж, он и к этому был готов, пусть его последней в жизни авантюрой станет любовь, это достойный конец приключениям. Но голова была холодна, а сердце билось ровно.

В конце концов, она начинала заводиться, пробовать разнее штучки, большинство из которых были подсмотрены в кино или прочитаны в глупых глянцевых журналах, в разделе «Советы: как соблазнить мужчину», а он в это время искал, где у нее слабина. Каждая женщина на что-то ведется. У них у всех есть эротические фантазии. Они почему-то стесняются в этом признаться либо лгут, что чрезмерно развратны, либо напротив, что застенчивы. Но редко кому удается увидеть истинное лицо своей любовницы. Женщина – это вечная ложь и вечное притворство. Он начинал свою игру, хорошо помня об этом.

Наступал момент, когда она увлекалась настолько, что проговаривалась. Это могло быть в одной короткой фразе:

– Возьми меня сзади.

Или:

– Не убирай руку.

«Сильнее», «быстрее» и так далее. Они обожали силу и охотно возвращались в те первобытные времена, когда мужчина брал женщину по праву победителя, не дожидаясь, пока его выберут. В итоге все штучки были забыты, оставалась только женщина, которая хочет, чтобы ее взяли почти силой, и кричит от наслаждения уже по-настоящему, задыхаясь от вожделения и забывая при этом томно моргать ресницами.

Ему нравилось смотреть, как меняется в страсти женское лицо. Каким оно делается безумным, а взгляд бессмысленным. И в момент, когда она уже ничего не соображает, он давал себе волю и разряжался во что-то огненное, влажное, пульсирующее, а потом, расслабившись, слышал:

– Ну, ты даешь!

Потом были проводы на самолет. Бесконечные поцелуи в аэропорту, он всегда играл свою роль до конца. И она, уходя на регистрацию рейса, свято верила, что следующая их встреча будет в Петербурге. И в самолете летела счастливая. А, едва приземлившись, отбивала эсэмэску на несуществующий номер. И долго еще не волновалась. До того момента, когда все формальности выполнены, погранконтроль успешно пройден, багаж получен.

Она, наверное, начинала нервничать в такси. Он живо представлял себе, как это происходит. Как очередная случайная любовница пытается ему звонить и не сразу понимает, что ее обманули. Что никакого Жоры-бизнесмена или Егора-адвоката не существует. Что весь он – вымысел. Ее воплощенная в реальность фантазия, которая растворилась в облаках, едва взлетел самолет.

Потом она, должно быть, плачет. Пытается его искать. Часами сидит в Интернете, в надежде выловить его в каких-нибудь «Одноклассниках». Набирает его имя в поисковике, перебирая разные комбинации. Все это забавно. Он знал, что когда-нибудь будет наказан. Она где-то есть, его кара. У нее есть глаза, губы, голос. Нежный, тоненький или, напротив, низкий, с хрипотцой. Она ходит по свету на своих легких, стройных ногах, даже не подозревая, что ей придется ему отомстить за всех обманутых им женщин. Иногда он думал: какой он, ее голос? Все-таки тоненький или с хрипотцой?

Но он понятия не имел, какие женщины ему нравятся. То есть нравятся красивые. Но влюбляются-то в нечто особенное. Это всегда неожиданность и часто нелепость, отчего на свете так много странных пар. Кажется, что эти люди не могут быть вместе, а они живут и расставаться не собираются. Любовь – это порой издевка Творца над своим любимцем, чтобы не зазнавался: ты будешь красив, удачлив, богат, и все, к чему прикоснешься, обратится в золото, но взамен я возьму твое сердце и отдам его какому-нибудь ничтожеству. И ты, красивый, удачливый и богатый, станешь всеобщим посмешищем, пока не избавишься от этой зависимости. А ты не избавишься, я не позволю. Бывает и так…

Он старался об этом не думать. Пока ему везло. Или не везло? Наверное, все-таки не везло, потому что удача была в другом. Деньги сами плыли ему в руки. Почти год назад на ювелирном салоне он увел из-под носа у конкурентки шикарное колье. Ему показалось даже, что это мышемоль из антикварного салона. Что ж, он отомстил ей за Пикассо. А она молодец! Мастер маскировки. Если это, конечно, была она. Мешковатое вечернее платье скрывало фигуру, а темный парик волосы. Он поклясться может, что это был парик! Как она на него посмотрела? За стеклами огромных очков он не видел ее глаз и даже не мог с уверенностью сказать, какого они цвета. Кажется, темные. Но ее взгляд он почувствовал всей кожей и словно обжегся. Ему тогда удалось от нее уйти.

Колье было продано за хорошие деньги, но потом начались проблемы. Скупщика краденого антиквариата посадили. Хорошо, что тот не выдал свою клиентуру, да ему бы после этого и не жить. А так благоразумный и осторожный Серафим Петрович лет через пять, а может, даже раньше, выйдет на свободу, и все вернется на круги своя. Но что делать сейчас?

Это его главная проблема: у него нет прочной связи с криминальным миром. Он действовал как вор-одиночка, а Серафим Петрович был маминым давним приятелем, тоже бывшим музейным работником, но в отличие от нее решившим в переломный момент эпохи свои знания, опыт и связи обратить в капитал. Вот уже лет пять они успешно «сотрудничали», но теперь единственный канал реализации краденого закрыт.

Голицын всегда был предельно осторожен. Чем меньше людей участвует в процессе, тем больше гарантия, что тайна будет сохранена. Он всегда приходил один, и Серафим Петрович тоже был один. Он показывал вещь, называл свою цену, скупщик передавал информацию покупателю. Торг был уместен, иногда возникали трения, но тот же Серафим Петрович быстренько все улаживал. Разумеется, брал свой немаленький процент. Голицын считал, что это справедливо: найти покупателя на краденый товар – половина дела. Каким образом старый лис прокололся, оставалось загадкой. Но факт есть факт: канал потерян. И надо искать другой. Хорошо бы работать под заказ. Выйти на тайного коллекционера-олигарха, который вовсе не стремится сделать свои богатства общедоступными. У которого нет в планах устраивать выставки и открывать галереи. Который не станет делать своим болтливым любовницам многомиллионные презенты и тут же кричать об этом на весь свет.

Но это только мечта. Пока есть большая проблема, и нет ее решения. Какие-то деньги у него накоплены. Небольшой запас на черный день. Но он прекрасно понимает, что сейчас надо сделать решительный рывок, сорвать куш и не потратить эти деньги, как обычно, лихо, безрассудно, не задумываясь о завтрашнем дне, а обеспечить тихую старость в доме с голубым бассейном. Дописать, наконец, диссертацию, посвященную горячо любимому Федору Васильеву, организовать по всей стране выставки тех же передвижников, нести искусство в массы. Ездить повсюду с лекциями, рассказывая людям о прекрасном. Он ведь любит свою работу и гордится полученным образованием. И никогда бы не стал вором, если бы были варианты. Если бы каждый труд в родной стране достойно оплачивался и не существовало примера шальных денег, которые достались кому-то вовсе не за труд. Если бы была возможна

справедливость, ну хотя бы ее видимость, как раньше, когда он носил комсомольский значок, и время крутых перемен застало его на втором курсе института. А теперь не осталось ни видимости, ни справедливости. Все стало ложью, и, видя эту ложь, люди без зазрения совести нагромождали на нее свою. Он просто принимал участие в процессе. Можно, конечно, как родители, прожить жизнь в достойной бедности и тихо уйти на пенсию. Но отчего-то не хотелось.

Главная несправедливость заключалась в следующем: почему он, умный, образованный человек, или его родители, честно, не ища выгоды, отработавшие на государство по сорок лет, должны жить в глубокой бедности, в то время как купившие свои дипломы хамы процветают? И эти хамы далеко не умные, они просто наглые. Историю проданной почти задаром семейной реликвии он не забудет никогда. Значит, надо их наказывать. Забирать у них то, что они тоже, по сути, украли. О том, куда потом уходит картина или другой раритет, он старался не думать, о доле своего участия в умножении зла тоже. Каждый человек, даже серийный убийца, легко находит оправдание тому образу жизни, который ведет: это не я виноват, а среда. Папаша-алкоголик и жестокие одноклассники, отравившие детство насмешками. Георгий Викторович Голицын свою преступную деятельность тоже, разумеется, оправдывал обстоятельствами. Но сейчас уже и не оправдывал. Втянулся и привык.

Сейчас его волновало только одно: как найти посредника?

Он еще не знал, что завтра проблема решится. Судьба сделает ему подарок, который он хоть и не сразу, но примет.

Нестеров. «Видение отроку Варфоломею»

– Георгий Викторови-ич!!!

Она молитвенно сложила руки и по-собачьи преданно заглянула ему в глаза. Он невольно улыбнулся.

– Георгий Викторович-ич!!! Голубчи-ик!!!

Ефросинья Ниловна была старейшим работником музея и давней подругой его матери. Только мама пять лет назад ушла на пенсию, а Ефросинья Ниловна хоть и старше, но на покой не собиралась. Она была типичной музейной старушкой и сама вполне могла бы сойти за экспонат со своим морщинистым личиком, похожим на печеное яблоко, с огромными очками на самом кончике носа (как только держатся!), и отчего-то с морковной помадой на тонких, почти невидимых губах. Теперь эта яркая ниточка на сморщенном старушечьем личике дергалась и извивалась, казалось, что Ефросинья Ниловна вот-вот заплачет.

– Мне позвонили… живодеры… Там… милиция… дверь…

Он уже понял, что жестокие соседи накатали на старушку очередную жалобу участковому. Одинокая Ефросинья Ниловна была страстной любительницей кошек. Замуж она так и не вышла, ребенка не нашла от кого родить, даже мужчины, по ее же собственным словам, никогда не знала. Ефросинья Ниловна осталась старой девой и всю свою любовь отдала кошкам. Тех, кого не могла приютить, прикармливала тут же, у своей двери на лестничной клетке. Кошки сбегались отовсюду, они платили Ефросинье Ниловне такой же пламенной любовью. В подъезде стоял жуткий запах, и соседи все время грозились выгнать из дома если не саму гринписовку, то ее многочисленную живность.

Сегодня они решились на зачистку. План был следующий: пока старушка находится на работе, приедут живодеры, соберут в подъезде и окрестностях все мяукающее бесхозное стадо и поступят с ним в соответствии с прейскурантом, а жители подъезда в это время выбросят объедки, миски, вымоют пол и опрыскают стены дезодорантом. Кто-то стукнул Ефросинье Ниловне. Из мести ли или из любви к скандалам. Народу надо зрелищ, а без Ниловны шоу будет не таким ярким. Ведь участковый, которого позвали поприсутствовать при экзекуции, должен лично убедиться, какая в подъезде грязь из-за этих кошек и отвратительный запах. Его подведут к двери, за которой орут встревоженные животные, и заставят принять решительные меры. Понятно, что Ефросинья Ниловна запаниковала. Голицыну стало ее жалко.

– Чем вы так встревожены? На вас лица нет, возьмите мой носовой платок. Возьмите же. И перестаньте плакать.

Она с благодарностью приняла платок и, протирая то морщинистые щеки, то стекла очков, заскулила:

– Георгий Викторович, голубчик, подмените меня! Я знаю, вы человек занятой, научный работник, умница необыкновенный… Я знаю, что вы не обязаны… Но лучше вас никто не знает фонд, – залебезила Ефросинья Ниловна. – И вы такой добрый. Добрейший. Проведите вместо меня экскурсию, умоляю! Там группа.

– А вы куда?

– На битву! – она сжала крохотные кулачки. – Костьми лягу! Пусть и меня на живодерню тащат!

– Вас побьют, – сказал он печально.

– И пусть!

– Хорошо. То есть плохо, что побьют, но я согласен вас подменить. Хотите умереть – умрите.

– Да господь с вами, голубчик, – сразу стушевалась Ефросинья Ниловна. – Вы думаете, они на это способны?

– А вы хотели отделаться парой синяков? Нет, моя дорогая, они пойдут до конца, война так война. Будут включать на полную громкость музыку, едва вы ляжете спать, их дети будут звонить вам в дверь и убегать, как только услышат шаги, они станут поджигать ваш почтовый ящик и тыкать горящие спички в кнопку звонка, пока она не оплавится, лить сверху воду на ваш балкон, когда там сушится белье.

– Ах, они все это уже делают, – с досадой сказала Ефросинья Ниловна.

– И вы не сдаетесь?

– Никогда!

– Видимо, вы очень любите кошек, – грустно улыбнулся он. – Что ж, идите. Живодеры ждут. А я вас, так и быть, прикрою. – И деловито спросил: – А что за группа?

– Туристы. Случайный набор.

Она так и сказала: набор. Видимо, думала о своих кошках, которым брала в магазине то дешевую рыбу, то суповой набор, из которого варила себе и им тощий бульон. Это означало, что у входа в музей собралась толпа гостей Северной столицы, все они купили входные билеты, но желают не просто ходить по залам, а еще слушать пояснения сопровождающего. Работа трудная и неблагодарная для экскурсовода. Одни слушают, другие не слушают, разбредаются кто куда, без конца ослепляют фотовспышками и вечно нудят. Мол, скучно, за что только деньги заплачены. У экскурсоводов есть дежурный набор шуток, это закон жанра. Говоришь, говоришь о серьезном, потом надо внезапно сменить тон, в истории искусства полно забавных анекдотов. Если их нет, нужно придумать, чтобы как-то разрядить обстановку, смех прогоняет зевоту.

– Что ж… Из чувства сострадания я готов. Только не умирайте насовсем, любезная. Ваша помада освещает мне путь в музей. Не меняйте ее ни за что!

– Вы такой галантный мужчина, Георгий Викторович, – она хихикнула и задорно поправила очки. – Будь я лет на тридцать моложе…

– А я настолько же старше, – не остался в долгу он. – Ступайте, не то опоздаете к началу. Уверен, что все билеты на шоу уже раскуплены. Потом расскажете.

– Спасибо вам, – с чувством сказала Ефросинья Ниловна. – Я ваш должник на веки вечные. Матушке кланяйтесь.

– Непременно.

– Господа, в этом зале вы видите последнюю неоконченную картину великого русского художника Исаака Левитана, которая называется «Озеро. Русь»… – Ну, началось! Хождение-зевание. – Обратите внимания на то, сколько в ней света. Какой оптимизм излучает картина, несмотря на то, что писавший ее художник уже знал, что умирает. Знал, что скорее всего так и не успеет закончить свою работу… – Надо что-то делать. – А вы, кстати, знаете, из-за чего великий русский художник Левитан чуть не вызвал на дуэль великого русского писателя Чехова? У Левитана была любовница…

«Любовница» – ключевое слово. Народ начал подтягиваться.

– То есть Чехов объявил всем, что у его друга якобы есть любовница, хотя, возможно, это был просто художественный вымысел. Героиня сей любовной истории Софья Кувшинникова была женой полицейского врача и ученицей Левитана. Художницей Кувшинникова была весьма посредственной, зато женщиной незаурядной, хотя и не красавицей. Ее даже видели скачущей верхом, в капоте на голое тело, с босыми ногами. – «Голое тело» пробило всех. Зевки прекратились. – В доме Кувшинниковых часто бывали вечеринки, куда все стремились попасть, собиралось общество весьма незаурядных людей, заходили и Чехов с Левитаном. В результате Антон Павлович написал знаменитый рассказ «Попрыгунья», где в пейзажисте Рябовском все узнали Левитана. Рассказ был полон обидных намеков, и в Москве разразился настоящий скандал. – «Скандал» тоже ключевое слово. Теперь он стоял, окруженный плотным людским кольцом.

– Они дрались? – пискнула худенькая девушка со стрижкой «паж».

– Они надолго остались врагами, – торжественно сказал Георгий. – Но, в конце концов, дружеские чувства взяли верх и...

– Левитан просто набил ему морду? – предположил громила в шарфе от «Зенита».

– Коля! – ткнула его в бок жена. – Че несешь! Ты ж в музее!

– Ну, лицо, того... Начистил. А Чехов – это кто?

– Сказано тебе, тупица: великий русский писатель!

– И вы еще идете в музей, когда не знаете, кто такой Чехов! – всплеснула пухлыми руками дама в шляпке. – Безобразие просто! Так что там с Левитаном, товарищ экскурсовод? Продолжайте, пожалуйста, очень интересно!

– Они помирились, – улыбнулся он. – Левитан поехал в гости к Чехову, где оба сделали вид, что никакой скандальной истории не было.

– Ну, это неинтересно. Вот если бы дуэль...

И народ заскучал.

– Значит, он умер своей смертью? – уточнил на всякий случай долговязый молодой человек с «Никоном», нацелившись на «Русь».

– Да. От тяжелой и продолжительной болезни.

– От сифилиса? – с надеждой пискнул «паж».

– От аневризмы сердца. Ему было всего сорок лет.

– От сифилиса умер Бодлер, – авторитетно сказала дама в шляпке.

– Где это? – заволновался народ. – В каком зале? Он обнаженку писал? Ведите нас туда, хватит природу показывать!

– Бодлер, господа, писал стихи, – он попытался урезонить охочую до клубнички публику. – И в самом деле для того времени весьма непристойные, их даже запрещали, но здесь, как вы видите, только картины.

– А почитайте! – пискнул паж.

– Это не входит в программу.

– Вот так всегда! – разочарованно сказала жена фаната питерского «Зенита». – Самое интересное никуда не входит!

Муж, нагнувшись, шепнул ей что-то на ухо, и она залилась краской:

– Ой, ну че ты! Мы ж в музее!

– А сейчас, господа, я расскажу вам о следующей картине, – продолжил он экскурсию.

Народ стал расходиться.

«Эх, знал бы ты, брат Пушкин, каким великим пиар-ходом была твоя дуэль с Дантесом! Они жаждут крови. Что им гениальная картина? А вот голубой гений или гений, набивший, пардон, морду другому гению...»

Он очень любил людей, любил во всем их несовершенстве. И понимал, что сделать их лучше можно, только наказывая за это несовершенство. Страдая, они возвышаются. Перестают думать о непотребствах и начинают вспоминать все известные им молитвы. Некоторые даже учат новые. И так они молятся, пока гроза не минует, а потом вновь думают о непотребствах...

– Молодой человек...

– Что?

Он так увлекся своими мыслями, что и не заметил, как экскурсия закончилась. На автопилоте отбарабанил все, что положено, и довел их до выхода, после чего отпустил с миром. Они пошли выцеливать новые достопримечательности, до зубов вооруженные видеокамерами различного калибра, «Кодаками» и «Никонами», швырять монетки в Чижика-пыжика, стремясь во что бы то ни стало его подбить, прогуливаться по палубе знаменитой «Авроры», примериваясь к ее орудиями. Они уже взяли Лувр, захватили Эрмитаж, прошли победным маршем по Монмартру и занесли в свой актив Красную площадь. Они везде и знают понемногу, но зато обо всем. Туристы. Пытливое племя людей, не имеющих национальности. Он давно их простил и даже готов вновь и вновь рассказывать им о том, как Левитан чуть не вызвал на дуэль Чехова. Лишь бы им было интересно.

А этому что надо? Перед ним стоял благообразный старичок, по виду типичный турист, пенсионер, решивший, перед тем как умереть, увидеть Париж. Но на Париж денег нет, пенсия у нас в стране не слишком велика, а вот на поездку в Питер, если на год-другой потуже затянуть поясок, накопить можно.

– Извините, как вас по батюшке?

– Георгий Викторович.

– Вы так замечательно все рассказали, Георгий Викторович!

– Не стоит преувеличивать. Это была обычная экскурсия.

– Но я хотел бы вас отблагодарить.

– Каким образом?

– Не хотите ли отужинать в хорошем ресторане?

– Вы меня приглашаете? – он смерил пенсионера оценивающим взглядом и отметил дорогой костюм, белоснежную сорочку, ботинки из натуральной кожи, изготовленные известной фирмой. А старичок-то не прост!

– Я здесь на два дня. По делам.

«Пожалуй, с Парижем я ошибся. Он там был. И живет явно не на пенсию. Ну что я теряю?»

– Платите вы? – уточнил на всякий случай Голицын.

– Разумеется.

– Где и во сколько?

Благообразный назвал известный и очень дорогой ресторан на Невском. Георгий там бывал, но предпочитал места менее пафосные. Предпочтений же своих выдавать не стал, решив сыграть в простачка. Они назначили встречу на восемь вечера.

Он пришел минута в минуту, старичок тоже не подвел.

– Может быть, желаете отужинать в отдельном кабинете, Георгий Викторович?

– Зачем же? Разве у нас с вами есть секреты?

– Пока нет, но, возможно, будут.

– Намек не понял.

– Экий вы, – рассмеялся старичок. – С характером. Но ведь это неплохо, а? Что ж, пройдемте. Я уже заказал столик. Раз вы не хотите в отдельный кабинет, не смею настаивать.

Они прошли в зал. Голицын сделал вид, что ни разу здесь не был, и неуверенно стал осматриваться. Уселись. Вышколенный официант мгновенно принес меню, которое он и так знал наизусть, но все равно открыл и сделал вид, что внимательно изучает. Его визави, не спеша, достал из кармана пиджака крошечный футляр, в котором оказались складные очки, изящная и дорогая вещица, и тоже уткнулся в меню.

Голицын заранее сделал выбор и теперь использовал это время для того, чтобы попытаться угадать, о чем пойдет речь.

– Как насчет паровой стерляди? – спросил старичок, сдвинув на самый кончик носа очки с плюсовыми стеклами. Георгий невольно вспомнил Ефросинью Ниловну и улыбнулся. – Что вас так развеселило?

– Ничего. Я, пожалуй, рискну заказать котлеты из медвежатины.

– А я рыбкой побалуюсь. Вина желаете?

– Не откажусь.

– Вам понравился город? – спросил Голицын, когда старичок сделал заказ. – Кстати, как мне вас называть?

– Обращайтесь ко мне просто: дядя Боря.

Его брови от удивления поползли вверх.

– И что вам от меня надо, дядюшка?

– Вы спросили, как мне понравился город. А ведь я здесь бывал, и не раз. Вы меня, должно быть, не помните.

– Я уже много лет вожу экскурсии по музею. Извините, нет.

– Я был тогда с женой. – Старичок вздохнул. – Она умерла.

– Сочувствую.

Они взяли деликатную паузу. Принесли вино и закуски. Сомелье открыл бутылку и показал им пробку. Потом плеснул немного вина в бокал и предложил продегустировать.

– Годится, – сказал дядя Боря, едва обмокнув губы в вино. – Весьма недурно.

– И все-таки? – вернулся Голицын к главному, когда они опять остались одни.

– А вы с годами не меняетесь, Георгий Викторович. И обручального кольца на пальце, я смотрю, нет, – кивнул старичок на его правую руку. – По-прежнему одиноки и все так же независимы.

– А может, я его просто не ношу?

– Вы не женаты. И по-прежнему водите экскурсии по музею. Не надоело?

– А вы что предлагаете? – спросил он, поднося к губам бокал. Вино было весьма ординарным, но он не подал вида.

– Заработать, – улыбнулся вдруг дядя Боря.

– И… как?

– Георгий Викторович, ведь вы человек неглупый. Начитанный, эрудированный. Я каждый раз слушаю вас с истинным наслаждением. Неужели вы всерьез полагаете, что все эти люди ценят ваши усилия? Я имею в виду тех, для кого вы так стараетесь. Вспомните сегодняшнюю публику. Кто-нибудь поблагодарил вас за интересный рассказ? А ваше руководство? Давно оно говорило, что ценит вас? И как часто поощряло? Кстати, вы великолепно знакомы с творчеством художников-передвижников.

– Это тема моей диссертации, которую я все никак не напишу.

– А хотелось бы?

– На свете очень мало людей, которые занимаются тем, чем им хочется, – осторожно сказал Голицын.

– Все правильно. Они зарабатывают деньги, чтобы оставить, в конце концов, работу, которая не приносит им морального удовлетворения, и уходят на покой, дабы дать пищу своей душе. Я вовсе не имею в виду пенсию. Живя на пенсию, о душе не очень-то думаешь, все заботы только о хлебе насущном, – ворчливо сказал старичок.

– Не похоже, что вы живете на пенсию, – усмехнулся он.

– Под рыбку, Георгий Викторович? – подмигнул ему дядя Боря, подняв свой бокал.

– Как-то не клеится. Я вас зову дядей Борей, а вы меня Георгием Викторовичем. Тогда уж племянничек.

– А мы с вами еще не совсем в родстве, – намекнул дядя Боря. – Породнимся окончательно, когда вы примите мое предложение…

– Что за предложение? – деловито спросил он, отведав котлет из медвежатины.

– Если вы найдете способ, как изъять картину из фонда, я вам обещаю гарантированную ее реализацию.

«Вот оно!» Сердце екнуло. Неужели Серафиму нашлась замена?

– Кто вы? – спросил он в упор.

– Вы хотите взглянуть на мой паспорт? – ехидно осведомился старичок.

– Не валяйте дурака. За каким чертом мне ваш паспорт? Даже если он и не фальшивка. Вы предлагаете мне провернуть аферу с музейным фондом. Почему вы уверены, что я соглашусь? И почему именно я?

– Советуете завербовать одну из музейных старушек? Старость рассеянна, мой дорогой племянник, и потом, есть дети, внуки. Старость не только рассеянна, но и болтлива. И у нее много страхов.

– А как же вы?

– Я одинок. Была жена, но она умерла. Я вам уже говорил.

– И все-таки кто вы?

– Начнем с того, кто вы. Здоровый детина, не думайте, что я не заметил под вашим мешковатым костюмом стальные мускулы. Вы с легкостью поднимаетесь по самым крутым лестницам и носитесь по залам, как, извините, конь. Из группы уже и дух вон, а вы свежи, словно майская роза.

– А вы наблюдательны.

– Что вас держит в музее? Уверен: у вас давно уже есть план. Но вы не знаете, куда девать украденное. Я беру на себя эту проблему. За известный процент, разумеется. Вы добываете картину и привозите ее в Москву. Мы договариваемся о цене, я через день-другой приношу вам деньги, и мы расстаемся до следующей сделки. И не берите всем известные шедевры. Не надо жадничать. Лучше брать количеством. Уверен, вы прекрасно знаете фонд. Сколько картин выставляется? А сколько пылится в запасниках?

– Пять-десять процентов, – задумчиво сказал Голицын. – Выставляется. Остальное пылится десятилетиями, дожидаясь своего часа.

– Десятилетиями! – поднял вверх указательный палец старичок. – Можете сказать, почему так?

– Уважаемый… гм-м-м… дядя Боря. В крупных музеях фонд насчитывает более миллиона экспонатов. Там сам черт ногу сломит. Что поделаешь?

Художественное наследие огромно. Каждый гений за свою жизнь создал больше сотни полотен, я специализируюсь, извините за производственное слово, на творчестве малоизвестного Федора Васильева. Он прожил только двадцать три года, но оставил около ста полотен. Если быть точным, восемьдесят. Что уж говорить о тех, кто прожил долгую жизнь? Или о таких плодовитых гениях, как Пикассо... Говорят, он писал по три картины в день, используя все, что под руку попадет: уголь, мел, карандаш, металл, гипс, камень и даже мусор. А наш Айвазовский? Ему приписывают шесть тысяч полотен! Вдумайтесь только в эту цифру! Поскольку это национальное достояние, шедевры хранятся в музеях. Преимущественно в запасниках. Из них обновляется фонд для постоянно действующих выставок, там, в запасниках, проводятся научные исследования, экспертизы.

– И вы, разумеется, имеете туда доступ?

– Разумеется, поскольку я научный работник. У меня есть постоянно действующий пропуск.

– А как же экскурсия?

– Случайность. Чтобы не потерять форму.

– И что вам мешает? – внимательно посмотрел на него старичок. Взгляд у него был острый, хотя сами глаза блеклые, невыразительные. Непонятно какого цвета, то ли серые, то ли цвета бутылочного стекла.

– Ничто не мешает.

– Картины десятилетиями пылятся в запасниках. Никто и не заметит пропажу. Ваши пятьдесят процентов.

– Половина? – рассмеялся он. – А не мало?

– Вы прекрасно знаете, что нет.

– Может, поторгуемся?

– Нет, – жестко сказал дядя Боря. – Пятьдесят на пятьдесят.

– Вы криминальный авторитет? – в упор спросил Георгий. – Что-то непохоже.

Дядя Боря рассмеялся:

– Фильмов насмотрелись? А что есть криминал? Бесконечные отсидки, блатной жаргон, на теле живого места нет от наколок? Умные люди, голубчик, не попадаются. За них дураки сидят. Вам вовсе не обязательно знать подробности, – хлестко сказал дядя Боря. – Вы сдаете товар, я его принимаю, плачу вам деньги, и дальше каждый идет своей дорогой, пока не появляется новый товар. Как вам такой расклад?

– Расклад меня устраивает, – он задумчиво отхлебнул вино, которое теперь не показалось ему таким уж ординарным. «А это удача!» – Хотя пятьдесят процентов маловато. Если я вдруг надумаю… Как я вас найду?

– Звонить мне не надо, – размеренно сказал старичок. – Визитку я вам тоже, извините, не оставлю. Во всем известной социальной сети, особенно популярной среди бывших одноклассников, у моей дочери есть страничка. Если вы захотите, то легко ее найдете.

– Вы же сказали, что одиноки?

– Я сказал, что моя жена умерла. А дочь уехала в Америку. Она вышла там замуж, нашла неплохую работу, родила двоих детей. Возвращаться на родину не собирается. Ее зовут Елена Блейк. 35 лет, США, штат Массачусетс. Сделаете ей подарок: одну розу. Так я пойму, что есть товар. Встречаемся через два дня, на третий. Вы приезжаете на «Р-200». Картину везете в чемодане, изображаете гостя столицы. Встречаемся на Ленинградском вокзале и обмениваемся чемоданами, я вам пустой, вы мне с картиной, и я говорю, на какое число брать обратный билет. Встреча на том же вокзале. Перед отъездом я передаю вам деньги.

– А если она не примет мой подарок? Тогда вы не увидите розу.

– Она примет. Мы с Леночкой прекрасно ладим, она чувствует свою вину за то, что уехала, оставив меня, старика, совсем одного, и охотно выполняет мои маленькие поручения.

– А если вы меня, пардон, кинете? Заберете картину и исчезнете?

– Я не могу дать вам гарантий. Придется поверить, что я заинтересован в долгосрочном сотрудничестве. Я вижу, вы рисковый человек. У вас взгляд авантюриста, хотя вы и прячете его за дымчатыми стеклами очков.

– Я еще не знаю, как это сделаю.

– Думайте, – пожал плечами дядя Боря и попросил счет.

Из ресторана они вышли порознь. «Какой-то шпионский боевик, – подумал Голицын. – Пароль – одна роза, через два дня на третий. Поезд прибывает в Москву около полуночи. Елена Блейк… Массачусетс…» Не понятно почему, но он поверил дяде Боре. Интуиция подсказывала, что это именно тот человек, которого он так долго искал. И даже не надеялся, что будет так легко, его самого найдут. Осталось только придумать, как изъять из фонда несколько картин. Хотя он и это уже знал. Просто не хотел рисковать тем единственным, чем дорожил, дружбой с замечательной женщиной.

«Зоя, – думал он, бредя по Невскому проспекту в толпе праздных, немного хмельных людей. – Пришло твое время. Пора открывать запасники».

Поленов. «Христос и грешница»

– Буду поздно.

– Как всегда, – скривилась Ничка. – Ма, а у тебя бывают выходные?

– Появятся. Скоро. У меня будет много-много выходных, и мы с тобой обязательно куда-нибудь поедем. На море. Или в большой красивый город. Например, в Париж. А пока на теннис тебя отвезет Костик.

Ничка тут же перестала дуться.

– Классно! А то с дедом скучно. И он не прикольный. Когда меня отвозит Костик, тренерша не такая злая. Не гоняет меня по всему корту.

– А она вообще с тобой занимается или все время проводит с Костиком?

Ничка уже поняла, что выболтала секрет, и прикусила язычок.

– Ма, не волнуйся. У меня большие успехи. Скоро я буду играть за взрослых и заработаю кучу денег!

Что Катю всегда удивляло в Костике, Юрике и теперь в Ничке, так это то, какие правильные слова они умеют говорить. И как вовремя! Они словно штампуют фразы-мантры: «Скоро я устроюсь на работу, и тебе будет легче», «Разница в возрасте меня нисколько не смущает», «Я буду любить тебя всегда», «У меня большие успехи», «Я заработаю кучу денег». И так далее. В них надо просто верить и не задумываться над тем, что за всеми этими фразами – пустота.

Костик никогда не устроится на работу, даже если он это сделает, все доходы от нее пойдут ему же в карман. Юрик будет любить ее, пока у нее есть деньги, поэтому его нисколько не смущает разница в возрасте. Ничке гарантированы большие успехи в теннисе, пока у ее тренерши роман с Костиком. Этот порочный круг невозможно разорвать. И никого из них не волнует, что у нее проблемы. Ей даже не с кем поделиться. Не с Юриком же.

– Пока, ма!

– Пока, – машинально ответила она и сказала такую же пустую фразу: – Все будет хорошо.

Она даже не представляла, насколько хорошо.

…Катя видела его в своей галерее не впервые. Благообразный старичок в дорогом костюме и ботинках ручной работы из тончайшей кожи, которые она мгновенно оценила и подумала, что у нее появился богатый поклонник. Потому что он ничего не купил. Просто прошелся по галерее, все осмотрел и вежливо

отказался от ее помощи. Она была разочарована. Если ее красота так привлекает богачей, пусть платят за то, что любуются ею, а не картинами. Что ему стоит купить одно из полотен хотя бы из вежливости, если он богат?

Обеспеченные мужчины из высшего общества нередко обращали на нее внимание и даже делали заманчивые предложения. Нет, не брачные. Они хотели видеть ее своей любовницей, но она прекрасно знала, что эта связь будет недолгой. Как только новизна ощущений пройдет, и очередная победа над светской львицей окажется занесена в актив, пройдет и чувство. Да и чувства-то никакого нет. Есть желание приятно провести время с умной, прекрасно образованной женщиной, которая к тому же недурна собой. Но в жены они выбирают совсем других. Гораздо моложе и глупее, желательно без детей и вообще без прошлого. Не хотят стать посмешищем. Не готовы постоянно сталкиваться в ресторанах и на приемах с бывшими любовниками своей жены и каждую насмешливую улыбку невольно принимать в свой адрес. Лучше уж начать все с чистого листа.

Она, увы, ассоциировала себя скорее с толстой тетрадью, в которой некоторые страницы вырваны, другие сплошь перечеркнуты, на третьих полно ошибок. Нет, в жены она не годится, да ей этого и не предложат. Но и роль любовницы богатого человека ее не устраивает. Тогда ее положение станет зависимым, она прекрасно знает, как эти богачи умеют унижать. И твердо для себя решила: никогда!

И вот он пришел опять. Она уже не спрашивала, может ли чем-нибудь ему помочь? Решила молча потерпеть присутствие в своем хозяйстве очередного «туриста». Посетителей мало, и благообразный старичок ее хоть сколько-нибудь развлекает. Глядишь, и еще кто-нибудь зайдет, увидев, что в галерее есть посетитель. Людям не нравится, когда они в салоне одни и продавец сверлит взглядом спину. Она о чем-то заговорила с Аней, которая работала у нее вот уже три года и была необыкновенно мила со всеми, и со своей хозяйкой, и с посетителями. Чудесная девушка! А главное, ей можно доверять…

– Вы могли бы уделить мне пару минут? – услышала вдруг Катя и подумала: «Наконец-то! Похоже, созрел!».

– Конечно. Вас что-то заинтересовало?

– Я хотел бы пригласить вас на ужин.

– Извините, нет, – вежливо, но твердо ответила она. – В богатом покровителе не нуждаюсь.

– Независимая, самостоятельная и… красивая. Трудно жить, имея такой набор качеств, а?

– Это мои трудности. Я торгую картинами, но не собой. В покровителе не нуждаюсь, – повторила она.

– А в деловом партнере?

– У вас есть что мне предложить?

– У меня к вам разговор. Деловой, не беспокойтесь. Я уже слишком стар, чтобы, хе-хе, позволять себе всякого рода излишества.

Она все еще сомневалась.

– Ну же, решайтесь! Быть может, это ваш шанс? – подзадорил ее старичок.

– Вы кто?

– Я скажу вам об этом за ужином. Я вот уже в который раз злоупотребляю вашим вниманием и еще ничего не купил, поэтому чувствую за собой вину. Хочу компенсировать это ужином в дорогом ресторане. Назначайте место.

«А что я теряю?»

– Хорошо, – решилась она и назвала довольно-таки пафосный ресторан, где вечерами собиралась солидная публика. Сплошь переговорщики, в настоящем или в будущем деловые партнеры. Там ее не заподозрят в любовной связи с человеком, который ей в отцы годится и может заинтересовать лишь толщиной своего кошелька. Она не хотела, чтобы в свете пошел слух, что Екатерина Семенова выставила свое тело на аукцион.

– В восемь вечера вас устроит? – спросил старичок.

– Вполне.

– Договорились, Екатерина Алексеевна.

– Вы знаете, как меня зовут?

– Я навел о вас ... хе-хе... справки, – он недобро улыбнулся.

«А старичок-то непрост! Восемь вечера... Во сколько же я приеду домой?» Она со вздохом взялась за телефон. Надо позвонить маме, предупредить, а та уж поставит в известность остальных.

Поскольку это была деловая встреча, она вошла в зал минута в минуту. Прийти раньше, значит, показать, что она заинтересована больше, чем другая сторона, а опоздание могут принять за кокетство. Старичок уже был здесь. Сидел за одним из столиков, изучая перечень кулинарных шедевров от повара-француза, упакованный в роскошный кожаный переплет с надпись золотыми витиеватыми буквами: «Меню». Негромко играл струнный квартет, в том же темпе и тоже в миноре журчала вода в небольшом фонтанчике: богиня в окружении фавнов и нимф пропускала сквозь тонкие пальцы душистые струи. В воздухе ненавязчиво пахло фиалками.

Она шла через этот храм кулинарного искусства, невольно копируя богиню. На ее лице застыла такая же безразличная ко всему улыбка, а глаза были пусты. Вокруг ее ног вился небесно-голубой шифон, юбка была длинной в пол, и такой же запредельной длины висящие на шее бусы.

– Вы, наверное, голодны? – спросил он, улыбаясь и явно ею любуясь.

Она почувствовала себя неловко. Неужели обманулась? И ему все-таки нужна любовница.

– Садитесь же, – сердито сказал старичок, видя ее колебания. – Я не собираюсь вас домогаться.

Она села, так и не решив до конца, остаться или уйти, и взяла со стола меню. Оно было слишком тяжелым, пальцы невольно задрожали.

– Вы какое вино предпочитаете, Екатерина Алексеевна? Красное или белое? А, может, шампанское?

– Я за рулем.

– Жаль. А я вот приехал на такси, поэтому могу себе позволить.

Он сделал еле уловимое движение корпусом, которое тут же заметил официант и, подскочив, нацелил золоченый карандашик в крохотный блокнотик:

– Готовы сделать заказ?

– Пожалуй.

Она заказала морковный сок со сливками и молча тянула его через соломинку, ожидая, когда старик начнет разговор. Решение было принято: остаться.

– Я знаю, вы испытываете материальные трудности, – сказал, наконец, старичок и посмотрел на нее в упор. Глаза у него были блеклые, их цвет определялся с трудом, то ли серые, то ли цвета бутылочного стекла, но взгляд цепкий. Он ее словно бабочку пришпилил к обитой бархатом спинке кресла. Попалась, красотка? Роскошно живешь, романы с мальчиками крутишь. А денег-то у тебя нет!

– Откуда вы знаете? – как можно безразличнее спросила она.

Принесли заказ, но аппетит у нее пропал. Она с ненавистью посмотрела на ассорти из морепродуктов, живописно разложенное на ядовито-зеленых салатных листьях, и ткнула вилкой в жирную креветку, захлебнувшуюся соусом. Попалась!

– Я наблюдаю за вами вот уже год. Вы бываете на всех сколь-нибудь заметных вечеринках столичного бомонда, каждый раз в новом наряде, на вас всегда дорогие украшения, у вас большой дом в пригороде, пожилые родители и

маленькая дочь. И брат, который учится. Две машины. Помещение, в котором находится картинная галерея, вам не принадлежит, следовательно, вы платите аренду. Я тут подсчитал ваши расходы…

– Что сделали? – она оставила в покое креветку и перевела взгляд, полный ненависти, на собеседника.

– Сделал кое-какие подсчеты, и у меня не сходится. Получается, дорогая моя Екатерина Алексеевна, что вы кругом в долгах. – Он поднял бокал с вином и подмигнул: – За вас!

– Я в средствах не нуждаюсь, – ледяным тоном сказала она.

– Нуждаетесь, и еще как, – его голос был ласковым. Он сладко причмокнул, смакуя вино.

«Гурман, – с неприязнью подумала она. – Выбрал лакомое блюдо, глупышку Кэт, Карину-бездарную-светскую-львицу, Катьку-растяпу. Он, видишь ли, подсчитал!»

– Дела в последнее время идут неважно, – призналась она, – Но это вовсе не означает, что я назанимала денег. А расходы можно уменьшить.

– Что, все стоящее уже кем-то куплено? – подмигнул вдруг старичок. – Арт-дилеры вроде вас давно уже скребут по сусекам. В ваши руки попадает все меньше и меньше вещей, которые можно с выгодой продать. Меж тем рынок антиквариата растет и развивается. А современная живопись настолько разнопланова и спорна, что ставки делать на нее просто-напросто боятся. Кого из ныне живущих ждет успех, а кого забвение? Чьи картины вскоре будут стоить миллионы, а за чьи и гроша ломаного не дадут? Мода сиюминутна, а успех вообще непредсказуем. Уж сколько их упало в эту бездну, – внезапно процитировал он Цветаеву, – голубушка моя Екатерина Алексеевна. Поэтому цена на современную русскую живопись невысока. Скажите честно, на что вы живете?

– Вы из налоговой инспекции? – насмешливо спросила она. – Если нет, то я не обязана перед вами отчитываться. Спасибо за сок, – она положила салфетку на стол и встала.

– Сядьте, – жестко сказал он. – А то я и в самом деле отправлюсь в налоговую. Я пришел не шантажировать вас, я пришел помочь. У меня есть товар, у вас есть сбыт. Вы знаете всю Москву.

– Товар? – она села.

– Я был у вас в галерее. Не надо держать меня за дурака, голубушка моя. Все сколько-нибудь стоящее не доходит до прилавков, если дело касается антиквариата. Расходится по знакомым, по вашим постоянным клиентам, кои предпочитают свои приобретения не афишировать. Допустим, я приношу вам картину. Подлинник, девятнадцатый век. Скорее всего, это будет пейзаж. Вы не спрашиваете, откуда у меня эта картина, просто бросаете на нее взгляд специалиста и говорите, за сколько сможете ее продать. За это вы получаете двадцать пять процентов.

– Почему так мало?

– Не вы же рискуете.

– По-вашему, продать ворованную картину – это не риск?

– Разве я сказал, что она ворованная?

– Тогда почему ее нельзя выставить у меня в галерее?

– Картины никто не хватится, но выставлять ее нельзя. Вы знаете всех тайных поклонников русской пейзажной живописи девятнадцатого века. К ним и идите.

– Она не слишком-то ценится. Хотя в России в последнее время вошло в моду собирать именно русских художников. Я знаю пару крупных банков, которые как раз сейчас собирают коллекции картин, их бы это могло заинтересовать. Но на Западе, увы, почти не знают наших художников того времени. Интереса к ним нет, соответственно, и цена небольшая. Гораздо больше ценятся авангардисты: Малевич, Кандинский, Шагал. Они сумели себя раскрутить, их картины пользуются огромным спросом. Та же Любовь Попова, авангардистка, стоит более двух миллионов долларов, тогда как за прекрасный пейзаж Нестерова «На земле покой» недавно выручили чуть больше миллиона. И это, заметьте,

аукционная цена.

– Вам не обязательно вывозить картины за границу. Продавайте у нас. Миллион долларов тоже неплохие деньги, согласитесь? Ваши двести пятьдесят тысяч, – просвистел он тоненько.

– Репин «Три дамы за рукоделием» был продан, если мне не изменяет память, всего за сто тридцать тысяч долларов. Против шестнадцати миллионов за Малевича, – гнула она свою линию. – Да возьмите хотя бы Айвазовского! «Варяги на Днепре» – три миллиона сто семьдесят тысяч. Петров-Водкин ушел за рекордные четыре с половиной. Результаты последних аукционов сильно влияют на цену. Помилуйте, отчего пейзаж? И непременно девятнадцатый век? Вообще не для Запада, у которого есть импрессионисты и Пикассо. Если мои только двадцать пять процентов...

– А ваша ловкость? Ваше обаяние? Из чего складывается цена картины?

– Из многих вещей. Во-первых, имя. Есть первый уровень: классика, мировые величины. Это безумно дорого. А есть категории А и В, к ним относятся гораздо менее известные художники, и цену на их картины определяет позиция в рейтинге. Потом техника, оригинальность сюжета. Дороже всего картины, написанные маслом. Особая манера письма, иначе говоря, яркая индивидуальность тоже ценится. Имеет значение, за сколько продавались полотна этого художника на последних аукционах. В каких музеях мира они представлены. Почему именно пейзаж? – она занервничала.

– Над этим я не властен.

– Хорошо, пусть будет пейзаж, но только первого уровня... А если владелец картины вдруг захочет ее перепродать?

– Люди вкладывают в антиквариат деньги. Они хранят в нем свои капиталы, а вовсе не стремятся обогатить других. Вы сами видите, сколько картин всемирно известных художников уровня один, как вы их классифицируете, выставляется на торги в последнее время. Все они в большинстве своем осели в музеях и частных коллекциях. И потом: в любом деле есть риски. Да, существует вероятность, что полотно увидит кто-то, кто не должен его видеть. И что? Вы тут ни при чем. Принес незнакомец, выставил на продажу. А вы и не знали, что

картина ворованная. С вашими артистическими способностями вы любого обведете вокруг пальца. Ну же, решайтесь!

Она колебалась. Старичок оставил ее на время в покое и занялся нежнейшим мясным суфле.

– Вы бы хотя бы представились, таинственный незнакомец, – попыталась пошутить она. – А то получается, что вы обо мне знаете все, а я не знаю даже вашего имени.

– Зовите меня просто: дядя Боря.

Ее брови удивленно поползли вверх:

– Мы родственники?

– Будем считать, что да. – Он отложил приборы. – Ну так что, племянница?

– И когда ждать… товар? Как насчет сроков… дядюшка?

– Я вам дам знак. Приду, как обычно, к вам в галерею, куплю какую-нибудь безделицу, и это будет означать, что через три дня на четвертый мы встречаемся на Казанском вокзале. В час ночи.

– Почему так поздно? И почему именно там?

– На вокзале легко затеряться. Я буду с чемоданом, будто жду поезда. Вы заберете у меня чемодан, в котором лежит картина. Глянете на нее осторожненько, шепнете мне на ушко свое предложение. Я устроюсь «дремать» в одном из кресел, вы легко меня найдете. Сколько вам понадобится времени, чтобы найти покупателя?

– Три дня, на четвертый… Думаю, за это время найду.

– То есть вы готовы на следующий же день отдать мне деньги? – обрадовался старичок.

– Думаю, да.

– Вот и замечательно! На том же Казанском вокзале.

– Но двадцать пять процентов…

– Мало, да?

– Маловато.

– Больше не могу предложить, любезная. Мне тоже надо на что-то жить.

– Так не вы ее украдете?

– Т-с-с… Не надо говорить таких слов. Чем меньше знает каждый из нас, тем больше гарантия, что предприятие ждет успех. Так что, племянница? По рукам?

У нее мелькнула мысль, что можно заработать гораздо больше. Можно вообще иметь все. Поэтому она кивнула:

– Согласна!

– Так выпьем за это!

Он лихо, по-гусарски, допил свое вино, она прикончила морковный сок, а заодно и креветку. У нее появилось предчувствие удачи, предвкушение успеха, и даже голова слегка закружилась, будто она пила не сок, а шампанское. Шальные мысли, словно пузырьки воздуха, поднимались вверх, заставляя все прочие думы, приятные и неприятные, осесть на дно, и от этого стучало в висках, а во рту было сухо. Ее глаза лихорадочно заблестели, а щеки зарумянились. Она уже знала, как все устроить.

Из ресторана она ушла первой, не дожидаясь, пока за дядей Борей приедет такси. А зря. Потому что она бы очень удивилась. Выйдя из шикарного ресторана, где он оплатил немаленький счет, «дядя Боря», оглянувшись по сторонам, потрусил к зебре. На пешеходном переходе он обругал лихо притормозивший джип, поправил сбившийся галстук и, очутившись на другой

стороне улицы, воровато оглянулся еще раз, после чего нырнул в стеклянные двери метро.

…Домой она приехала в первом часу ночи. Московские пробки не рассасывались и тогда, когда для большинства людей рабочий день давно закончился. Опять стояло кольцо, но она об этом не жалела. У нее было время подумать.

«Неужели пришел твой час, моя звезда, моя надежда? Как долго я к тебе подбиралась и как долго берегла. Мне не хотелось портить наши чистые и светлые отношения. Но, видимо, время пришло. Мне все-таки придется тебя потревожить».

На кухне горел свет, и это ее удивило. Они все уже должны спать. Мама, папа, Ничка, Костик. Сладкие сны видит Тася. Наверное, забыли выключить свет. Они все очень безалаберные. А Тася так увлеклась обсуждением последних событий в коттеджном поселке «Забава», что выпила лишнего. Не стоит их ругать. Она щелкнет выключателем, поставив на этом дне жирную точку, и с чистой совестью тоже отправится спать. День, кажется, удался.

Она на цыпочках вошла в дом. Тишина. Значит, и в самом деле просто забыли погасить свет. Она прошла на кухню, но рука, потянувшаяся было к выключателю, бессильно опустилась. На кухне сидела мама. Сидела молча, но по ее лицу было понятно: случилось.

– Что? – одними губами, почти без звука, спросила Катя. Голос куда-то пропал. И первая мысль была: Ничка.

– Ты только не волнуйся.

– Говори! – теперь, напротив, вышло слишком громко. Елена Николаевна вздрогнула.

– Костик… – «Слава богу!» – Его забирают в армию.

– А как же отсрочка? – Катя уже говорила нормально. Главное – несчастье случилось не с дочерью. Да и несчастьем это назвать трудно. Подобное приключение брат переживает раз в год.

– Что-то там не срослось. – Мамины губы задрожали. – Он говорит, нужны деньги.

Катя почувствовала облегчение. Всего-то деньги!

– Хорошо, я заплачу.

– Надо много.

– Сколько?

– Пятьсот тысяч.

– Надеюсь, рублей?

– Не долларов же! – испугалась мама.

– Насколько я знаю своего брата, с ним может все случиться. И на любую сумму. Он хотя бы знает, кому надо дать?

– Он знает, – заторопилась мама. – Раньше получалось как-то вывернуться, а теперь не получается.

– Его что, выгнали из института?!

– Он восстановится.

– О, господи! Так сессия же еще не началась!

– Его не допустили.

– Это плохо. Но, мама, пятьсот тысяч?! Это где ж такие расценки за откос от армии?

– Так сказал Костик, и я ему верю!

– А я нет.

– Катя! Тебе что, для брата денег жалко?!

– Мне себя жалко. Тебя. Папу. Костик-то нигде не пропадет, даже в армии.

– Не смей даже думать об этом!

– А тебе никогда не приходила в голову мысль, что армия для Костика не самый худший вариант? Может, ему проще отслужить год?

Мама аж в лице переменилась. Замахала руками, вся затряслась, и в голосе появились слезы:

– Что ты, что ты! Армия – это же смерть! Там дедовщина, ужасное питание, телесные наказания! Костик этого не переживет! Я не хочу потерять единственного сына!

«А как же я? – вертелось у Кати на языке. – Ведь я же лучше, лучше собаки!» Но тут мама заплакала.

– У меня плохие анализы, – услышала Катя. – Я вчера была в больнице… Еще одна операция… Я не переживу…

– Почему же ты сразу не сказала?! У тебя что, обострение?!

– Пока еще ничего не ясно, – всхлипнула Елена Николаевна. – Надо обследоваться. И потом: Костик. Он мое все, понимаешь? Если с ним что-то случится… – по ее лицу потекли слезы.

– Да. Не волнуйся: деньги будут. Я заплачу за Костика и устрою тебя в хорошую клинику, где проведут полное обследование. Возможно, что и не понадобится никакой операции. Костик останется с тобой, и твои анализы придут в норму. Все будет хорошо, – машинально добавила Катя.

– Это последние деньги, – сбивчиво заговорила мама. – Больше его не потревожат. Ему придумают какую-нибудь болезнь, и он навсегда избавится от

этого кошмара. От армии.

– Надеюсь, не шизофрению? – усмехнулась она.

– Не шути так. Катя, я знаю, что несправедлива к тебе. Да, я люблю Костика чуть больше. Но ты ведь сильная. Я уверена, что ты справишься со всем, что бы ни случилось. А он... Он такой...

– Он такой, какой есть, – жестко сказала она. – Успокойся: не пойдет в армию твой драгоценный Костик. Никто не будет его бить, унижать, кормить отбросами. Я же сказала: я все устрою.

– Катенька, ты – святая! Я знала, что ты мне не откажешь!

– Это все? Или случилось еще что-нибудь, пока меня не было?

– Вроде бы все.

– Тася трезвая?

– Конечно, трезвая! – горячо заговорила мама. – Но ты к ней не заходи, она спит. Устала очень, – и отвела глаза.

«Значит, пьяная. Итак, итог этого замечательного дня: Костика отчислили из института, у мамы плохие анализы, а Тася напилась. Картина маслом. И что ты будешь делать, Екатерина Алексеевна? Ты делаешь все, чтобы заткнуть эту дыру. С мамой еще ничего не ясно, это плюс. Тасе завтра надо устроить выволочку. Это минус, об этом тут же узнает весь поселок, и «Забаве» будет забавно, ну и пусть. Пусть я прослыву злой скандальной бабой, кровопийцей-эксплуататоршей, зато у меня в доме наконец-то будет порядок. Костик... С Костиком надо поговорить серьезно. Но все это завтра. Сегодня я слишком устала»

– Идем спать, мама.

– Да, да. Спать.

Они вместе поднялись по лестнице на второй этаж, где были комнаты ее и брата. Родители спали на первом этаже, но мама почему-то решила ее проводить.

– Я так тебе благодарна, дочка… Что ты обо мне заботишься… Дай я тебя поцелую, – она коснулась губами Катиной щеки. От нее пахло детством, немножко ванилью, капельку ландышами и еще каким-то особым материнским теплом. Катя почувствовала, что глаза стали влажными. Мама ее любит.

– Спокойной ночи, мама.

– Спокойной ночи. Я тоже иду спать.

Катя закрыла за собой дверь, прислонилась к ней спиной и какое-то время стояла с закрытыми глазами, чтобы сохранить подольше материнское тепло и этот волшебный запах. Потом услышала, как скрипнула соседняя дверь.

Она вздрогнула и открыла глаза. Размягчившаяся было душа опять очерствела. Ее обманули. «Мой брат – сволочь! – с ненавистью подумала она. – Послал вместо себя мать, зная, что я не смогу ей отказать. А сам сидел, ждал. Теперь она побежала ему докладывать. Мне надо было его лупить в детстве, а не отдавать ему свои конфеты. А теперь… Теперь я получаю то, что заслужила. Да, он не курит, не пьет, не употребляет наркотики, не проигрывает деньги в карты. Но он все равно редкая дрянь! Надеюсь, что «дядя Боря» все устроит. Денег мне ждать больше неоткуда…»

* * *

С самого раннего детства Валерия Громова все почему-то называли Валей. Валя Громов. А за глаза даже Валенком. Обидно. Есть хорошее мужское имя: Валентин. Но ведь это далеко не то же самое, что Валерий. Валерий Громов звучит мужественно и красиво, в то время как Валя Громов не очень.

Нет, родители все сделали, как надо. В метрике было записано правильно, это он всю жизнь вел себя как Валя – Валенок. Словно девица краснел от застенчивости, читал книжки вместо того, чтобы гонять с пацанами в футбол, ходил, прости господи, в музеи и, о позор, даже вышивал крестиком! И пробовал

вязать крючком.

Когда он стал сотрудником ФСБ, его бывшие одноклассники долго не могли этому поверить. Все решили, что Валя шутит. Там, в ФСБ, работают настоящие мужчины, они бегают, стреляют, борются с мафией, наркотиками и еще с какими-то темными силами, и розовощекий застенчивый Валя Громов никакого отношения ко всему этому иметь не может. Оказалось, что там нужны еще и умные, а задания бывают разные.

Например, то, которое Громов получил сейчас. Положить конец противоправным действиям преступной группы в составе двух человек, до смерти напугавшей галеристов и страховщиков обеих столиц. Они действовали нагло, лихо, и уже нанесли государственным людям немалый ущерб. Уже и жалобы пошли на самый верх. Их было двое, мужчина и женщина, и Громов всерьез решил взяться за обоих.

Всего через неделю после совещания он уже докладывал начальству, что план оперативных действий разработан, готов к согласованию, работа по всем направлениям ведется, и оба фигуранта находятся под колпаком у ФСБ. Осталось только поймать их за руку с поличным и препроводить в места не столько отдаленные.

А пока суд да дело, он принялся кропотливо собирать материал о столичной галеристке Екатерине Алексеевне Семеновой и научном сотруднике петербургского музея Георгии Викторовиче Голицыне. Составлять на них подробное досье. Это была его любимая работа, и он делал ее со всей душой. Разрабатывать план, расставлять по местам исполнителей, снабжая каждого подробной инструкцией, – это его.

Он просто обожал чистописание. У него был каллиграфический почерк, одна из причин, по которой он прошел строгий отбор в ряды сотрудников ФСБ. На самом деле исполнительность и аккуратность в заполнении важных бумаг ценятся там гораздо больше, чем умение стрелять без промаха и разбивать голой рукой кирпичи. Во всем должна быть аккуратность и точность, чтобы комар носа не подточил. А кирпич как-нибудь разобьется в тот момент, когда это будет надо. Важно момент зафиксировать, суметь увязать со всеми остальными моментами и доложить об этом лишь тогда, когда начальство проявит беспокойство. А что у нас там-то и там-то? А там-то и там-то у нас разбили кирпич, причем, заметьте, голой рукой. Кого похвалят? Того кто разбил? Ан, нет! Того кто факт

зафиксировал и вовремя доложил! Лавровый венок венчает не горячую голову, а умную.

Громов со своей папочкой всегда был ко времени. За это начальство его ценило. Он всегда готовился к важным совещаниям, заранее узнавал тему и делал подборку. Вот и по этому делу уже зарекомендовал себя как специалист. Не поленился залезть в Интернет, зайти в книжный магазин и даже в музей. Он сразу понял, что в случае успеха его ждет новое звание и заманчивое повышение по службе. Дело на контроле в самых верхах, а там, если уж взяли на заметку, со всей строгостью спрашивают, но зато полной мерой и поощряют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/natalya-andreeva/obmani-menya-nezhno

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить